

GEMMA MAGICA

По всему свету прославившаяся
Архичернокнижника и волшебника
де Иоанна Фрауста

учиненное
с дьяволом
обязательство

Salamandra P.V.V.
MMXII

GEMMA MAGICA
Материалы и исследования по истории
магии и оккультизма
XI

Salamandra P.V.V.

По всему свету
прославившася
Архичернокнижника
и волшебника
де Иоанна Фауста
учиненное с дьяволом
обязательство

По всему свету прославившагося Архичернокнижника и волшебника де Иоанна Фауста учиненное с дьяволом обязательство. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2012. – 115 с., илл. – PDF. – (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. XI).

В издание вошла переведенная В. Левшиным и изданная Н. Новиковым в «Библиотеке немецких романов» (1780) народная книжка о чернокнижнике Иоганне Фаусте, ставшая первым «русским Фаустом».

Вторую часть книги составила любопытная работа историка, исследователя гуманизма М. С. Корелина (1855-1899) «Западная легенда о докторе Фаусте».

От издательства

Одной из первых книг серии «Gemma magica» стала изданная в 2010 г. «История доктора Джона Фаустуса» – первый русский перевод английской народной книжки о знаменитом чародее и некроманте.

В настоящей книге мы вновь обращаемся к столь важной в оккультной и культурной традиции фаустианской теме. Книгу открывает выполненный литератором и переводчиком В. А. Левшиным (1746-1926) перевод иной, на сей раз немецкой, повести о докторе Фаусте. Повествование это вошло в переведенную Левшиным с берлинского издания 1778 г. и напечатанную Н. И. Новиковым (1744-1818) в 1780 г. «Библиотеку немецких романов». Книга эта вышла в годы, когда, как писал О. Мандельштам, «еще о Гёте не было известий»: в предисловии немецкий издатель упоминает наброски к «Фаусту» Г. Э. Лессинга (1729-1781) из «Писем о новейшей немецкой литературе» и указывает, что «Гётенсов Фауст еще рукописный». Таким образом, перевод Левшина стал, видимо, первым печатным русским известием и о «Фаусте» И. В. Гёте (1749-1832), и о докторе Иоганне Фаусте. Отметим также, что благодаря «Библиотеке немецких романов» русский читатель познакомился и с историей Тиля Уленшпигеля, прославленной почти столетие спустя Ш. де Костером (1827-1879).

Вторую часть книги составила работа историка, исследователя гуманизма М. С. Корелина (1855-1899) «Западная легенда о докторе Фаусте», впервые опубликованная в 1882 г.

Но всему свету прославившагося Архичернокнижника и волшебника де Иоанна Фауста, учиненное с дьяволом обязательство, и страшно неприятный конец, в новь пересмотренные, в приятное сокращение приведенные, и всем отличным грешникам в сердечное увещание и обличение в печать изданные, от христиански мыслящих.

Франкфурт и Лейбциг в 8.

ПОВЕСТЬ РОМАНА

Непростительно бы было, естли бы мы начало сих сказок не учинили честным м. Фаустом, коего правоучительная повесть была первая употребительная книга простаго народа, и в Ниренбергской фабрике сего разбору имеет знак номера 2. Она переведена даже и на Французский язык, и ученым страны тоя столькож приключила смеху как и нашим природным. Некоторые из первых наших голов старались, вывести оную на театр, на котором она с незапамятных времен в весьма не правильном виде находилась. Лессингов доктор Фауст был первый; явления онаго находятся в письмах о литературе: Живописец Миллер свое напечатал расположение, но Гётенсов Фауст еще рукописный, Романц и некоторые другие песни в оном от господина Камергера Фон *** в Венмаре положены на музыку. И так ни один из сих докторов Фаустов не окончан и обществу не предложен. «Мы посмотрим, говорил один из сих сочинителей, котораго чорт возьмет!»

РОМАН

Иван Фауст родился в Аглинском местечке Сондеделе от праведных, но бедных крестьян. Он имел в Виттенберге богатаго дядю, который его воспитал и послал в Инголстад в академию, где он по остроте своей много успел. Но вдруг променял он богословское учение на лекарскую науку, и как находил он склонность к бывшим тогда в обычае заклинаниям заговорами и изгнаниям дьявола, предвещаниям при рождении и прочая, то приставал он к Цыганам, и другим в сих Легкомысленных искусствах обращающимся людям, и не пропускал в большие праздники при восхождении солнца употреблять разсвет, *crepusculum matutinum*. Вскоре ославился он хорошим предвещателем и искусным сочинителем календарей, и чрез три года получил докторский чин. Дядя его умер после того скоро, а Фауст видя себя владельцем его имения, предался всякому мотовству; и тот час увидел конец своим деньгам. Он выдумал к тому средство, чрез обязательство с дьяволом спасти себя от недостатка. Он купил всякие Астрологические, Хиромантические, Нехромантические и подобные рукописи, коих по смерти его нашли великое множество; и испытую часы своего рождения и тогдашнее влияние звезд, нашел что духи к нему отменно были благосклонны. Больше утвердившее его в оном было, что он по несколько раз сряду видел в комнате своей ходящие по стене чудные тени, и ночью не однократно, будто бы летающие чрез постелю его свечи, так же иногда тихо говорящие голоса слышал. Но не имел он сердца воспросить сих духов, и надеялся чрез умножительное стекло, купленное им у славнаго оптических дел мастера Христофа Хайлингерна, еще более получить объяснения. Напоследок в ясный день вышел

он на перекресток, где сходились пять дорог, и провождал там после полуденное время, потом он приготовил свои волшебные круги и пояс, и став в самый средний круг в полночь в Спезартском лесу начал свои заклинания. Вдруг побежал мимо его огненный шар, который близ черты разселя, потом стала великая буря, и скакали мимо его колесницы, покрывшая всего его пылью, что привело его в таковой ужас, что желалбы удалиться. Однако напоследок сверх всякаго чаяния, усмотрел ходящее около круга привидение, которому он закричал: «Хочет ли он ему служить или нет»; В чем дух обещался, естли Фауст согласится на некоторые условия, о чем на утрие в доме его хотел поговорить. После того выступил Фауст из круга, и пошел в ожидании приходящих вещей в дом свой.

В полудни явился дух в Фаустовой комнате, и занял место за печью. По повторенный Фаустовым заклинаниям. Оказался он в виде человеческой головы, с низким поклоном. Фауст разсердился что оный не подходит ближе, и угрожал сильнейшими заклинаниями, которое лукавому неприятно быть казалось, ибо он в то мгновение повиновался. Вся комната наполнилась огнем, и дух видим стал с человеческою головою, но по всему телу космат, так что Фауст принужден был просить его опять за печку удалиться. По чему спросил онаго, не может ли он принять на себя не толь страшный образ? Но дух отрекся, за тем что он не слуга, но Князь адский. Однакож обещал ему прислать другаго беса, могущаго появиться одетым почеловечески. Тогда предложил ему следующие пункты к подписанию: 1 Бога и всего небеснаго воинства отречся. 2 быть врагом всех человеков, а особливо тех, кои пожелают наказать его за злую жизнь; 3 в число которых особливо надлежит духовенство, оных ему не слушаться, 4 в церковь не ходить, ни святым тайнам приобщаться, 5 супружество

ненавидеть, и в оное отнюдь не вступать. В награждение за сие обещал ему все забавы, какие только вздумать можно чрез целую жизнь его доставлять, и учинить искусным и славнейшим мужем. Дьявол исчез; а Фауст отворил жилу, и написал своею кровию и собственной рукою договор, согласуясь на вышесказанные пункты, и предавая себя на 24 года «земному Богу как обык называть дьявола глупый простой народ», таковым образом, что дьявол по прошествии онаго времени, по сему его обязательству, может напасть на душу его и тело, и управлять оными как хочет, и чтобы ни учителя слова Божия, ни Фаустово покаяние, ни священное писание в том ему не попрепятствовали. Едва засохло рукописание, Велзевул уже подхватил оное, явясь совсем в ином виде, и обещал еще прислать к нему вышеупомянутого сведущаго и ученаго беса, сей и предстал в вечеру, жалуюсь на Фауста, потом как сей ему сесть приказал, что он лишил его всей знаменитости, и учинил человеческим детищем? Однако, понеже он дух домовый, и охотник к обществу с человеками, то будет ему верно служить, и следует ему, когда понадобится, только кликнуть Мефистофиля; он будет не отлучен. Женщину близ себя иметь он может, но не девицу. Всем оным Фауст с начала был доволен, но во второй раз зачал не доверять, и хотел духу нацепить колокольчик, чтоб слышать приход его. Но чорту сие толь жестоко, что Фауст принужден был переменить мысли.

Теперь начал Доктор прежнюю свою роскошную жизнь с новыми и неисчерпаемыми помощными средствами. Надлежало ему только о желаемом положить на стол записку, то поутру все в надлежащее время было готово. Он часто разговаривал с господином Мефистофилем о состоянии духов, о участи грешников и прочем, о чем сей, яко сведущий и ученый бес подробно и основательно говорить смог, и тем еще умножил Фаус-

тову душевную скорбь, но однако не мог он вознамериться к покоянию и обращению, от своего безпутства. Вместо того увеселялся он чудотворствами, производимыми своею дьявольскою помощью. Одни комнаты его наполнены были отборнейшими поющими птицами, а другия редчайшими чрезвычайной красоты перьями. Он завел преогромный сад, который чрез весь год блистал отменными растениями и цветами, и в коем дерева разных свойств носили совсем противные природе своей плоды: на пример, на грушах росли вдруг дули и финики, и так далее. Но в сей сад входили изредка, только вернейшие его приятели. В Астрономии, Математике, предвещаниях календарных, и предсказаниях ни один человек с ним равняться не мог. Каждый, чужестранец и одноземец вопрошали его о совете, и слова и письма его считались за оракул. Так предвещал он Игумену Аццолинию в Павии, что он будет кардиналом, и сей в благодарность прислал ему после 200 кронов.

Сверх того употреблял он знание свое очень часто к насмешкам и забавным шуткам, из которых мы некоторые включим. Однажды ехал он на славном своем плаще с тремя молодыми баронами на Княжескую свадьбу в Минстер и привез их благополучно туды и обратно, кроме одного, которые нарушил обещанное молчание и отговорился умыть руки, что по тогдашнему обыкновению надлежало ему сделать по повелению Князя. Почему следовало ему остаться в тюрьме. Но на другой день пришел де Фауст, напустил сон на караульных, сорвал замки и цепи, покрыл своим плащем спящего Барона, и отнес по воздуху в Виттенберг к дяде его, за что знатно был награжден.

Как Мефистофиль противился, доставлять ему столько денег, как он требовал, принужден был он для получения оных выдумывать иныя средства. И так обманывал

вал он жидов и Христиан. Лошадиному торговщику продал он лошадь с подтверждением не въезжать в воду прежде двух дней. Купец не взирая на сие, учинил оно, и едва не утонул, ибо конь его вдруг стал пуком соломы. Разсердясь бежал он к Фаусту, коего нашел спяща, и потянул его за ногу, чтоб разбудить; но нога оторвалась и осталась в руках купца, который от страха чуть жив ушел назад.

Фауст в Лейбциге с несколькими своими приятелями видел, как винные продавцы старались понапрасну вытащить из погреба чрезмерной величины бочку. Фауст с товарищами своими шутили над оными, и смеялись их безсилую. Погребщики досадовали, и господин погреба требовал, чтоб они зделали лучше, с прибавкою, что за успех подарит им бочку вина, естли будут они в состоянии оную из погреба вытащить. Фауст тот час ударился об заклад, сел на бочку, и выехал на ней верхом как на лошади в верх по лестнице. Сие подало случай к следующим стихам, которые всем подлым ребятишкам в Лейбциге знакомы за истинную быль.

Доктор Фауст в сие время
Вывез тяжкое бремя,
Вшедши в погреб Аурбах.
Сел на бочку за коня,
И так ехал вон гоня;
Чем навел на многих страх.
За волшебную ж науку;
Получил от чортей муку.

лета Господня 1025.

В Вене дал он приятелям своим богатый пир, в огромных палатах, Гости танцовали, пили и были очень веселы; по наступлении же ночи, зачали все дремать и заснули. Пробудясь лежали они вод виселицою на од-

них костях изтлевших висильников. — Герои Омировых стихописаний представлены им были в присутствии многих Erfуртских Студентов. Заключение он сделал с Исполином Полифемом, грызущим стегно младенца. Тоже показал он Императору Максимилиану в Инспруке. Он показал ему при том Александра Великого и супругу его. «Первый появился, говорит наш повествователь, в драгоценных Латах, и сделал Императору глубокий поклон, а другая в голубом вышитым восточным жемчугом платье, и с бородавкою, кою имела она нашее. — У мужика, который не хотел повернуть с дороги проглотил он полвоза сена, и однако оное осталось по прежнему цело. — Одному богобоязливому соседу, склонявшему его к покоянию, напустил он в дом привидение, и равномерный поступок претерпел от него вольнодомец Валентин Хахенмеиер в Готе, когда по близкому обхождению с женою своею запретил ему вход в дом. — В Вене закладывался он с корабельщиком, что большое его судно встанет в верьх по Дунаю обезьянами, велел лошадей отпречь, и выиграл заклад. — Одного дворянина, бывшего в полону у Турков, и коего невеста по ложному слуху о смерти его хотела выгнати замуж, велел он духам принести из Турции, и соединил с его любезною. — В другой раз давши пир приятелям, сделал шутку, когда один из них хотел раздавать телячью голову, но лишь дотронулся, голова вдруг закричала: «Караул! режут! Что я тебе сделала?» — Одному бедному поповичу, Христофу Вагнеру, приметив острый разум его, сделал благосклонность учинить его своим общником, и уговорил онаго предать душу свою и тело бесу, имянуемому глухий тетерев. Сему Вагнеру укрепил он все свое имение, все свои книги и записки, и завещал прилежно оныя читать, так же поручил ему описать жизнь свою по смерти.

Фауст влюбился в одну прекрасную бедную деву-
цу, но которая без брака ни за что не соглаша-
лась. Он вознамерился жениться на ней, и как сие
было противу пятой статьи договора, то вошел с бесом
в великую ссору, однакож надеялся превозмочь. Но
вдруг все двери с ключев посорвало, и весь дом напол-
нился огнем, почему доктор принужден был бесу поко-
ряться, и просить перемены стихий, что и получил с
обещанием лучшаго повиновения. Вскоре за тем, при-
вел ему бес по особливой милости прекрасную Елену,
наделавшую в старину великих пакостей Троянам в на-
ложницы, от которой Фауст родил сына. Но мать и сын
исчезли, по ужасном конце несчастнаго доктора, о чем
теперь объявим.

Дватцать четыре года прошли до последняго дня,
и тогда появился Адский Князь, возвестил ему
окончание услуг своих, и объяснил ему его прес-
тупление. Но чтоб неприписал он ему вины своего осуж-
дения, в том просил его под страхом суда божия, ска-
зать и признаться, не имеет ли он права на написанный
кровию его залог. Фауст оцепенел от страха, и хотя сам
дьявол и Мефистофиль уговаривали его и предлагали,
что печаль лишь отяготит сердце его, так же и преемуш
его Вагнер делал ему еще надежду к спасению, и для
того в тайне призвал ученаго священника, но ни увеща-
ния духовнаго, ни слова святаго писания, не пособст-
вовали Фаусту к отраде, и дьявол умел его укреплять в
малодушии и сумнении к милосердию божию, так что
все время остальных суток прошло без пользы.

Назавтре пригласил де Фауст Магистра, который его
увещевал и несколько других верных своих приятелей
в деревню Римлих, угощал их изобильно, и просил ночь
остаться в оной деревне. После ужины открыл им о обя-
зательстве своем с дьяволом, и какая ему днесь судьба

предстоит. Увещевал их иметь пример свой в осторожности, простился с ними, и просил, чтоб тело его, где оное найдут, земле предать. В полночь поднялася такая буря, что дом весь зашатался, и ни кто не смел тронуться с постели. В Фаустовой комнате слышан был ужасный свист и рев, как бы были там змеи и ехидны, при том же сильные удары, толчки, туды и сюды бросанье, при чем Фауст кричал «Погиб, пропал». На разсвете увидели стол, стены и скамьи, обмаранные кровию и мозгом на полу лежали зубы, а тело нашли в конюшне на навозе раздроблено, и все кости переломанные. Гости, помня последнее Фаустово завещание, подкупили попа и вольнодомца, зашив тело в полотно погребли при церкви. Однако при похоронах возстала прежняя буря, так что все присутствовавшие несомневались, куда предлежал путь покойнику.

М. КОРЕЛИН

**ЗАПАДНАЯ ЛЕГЕНДА
О ДОКТОРЕ ФАУСТЕ**

Опыт исторического
исследования

ЗАПАДНАЯ ЛЕГЕНДА О ДОКТОРЕ ФАУСТЕ

Опыт исторического исследования

I.

Вера в сверхъестественное участие человека в управлении силами природы коренится в общем мирозерцании так называемых естественных религий. На первых ступенях развития этих религий, божество — олицетворенное явление природы, в распоряжении которого находятся другие, менее важные физические явления: это главное свойство языческого бога. Чем важнее явление природы для человека, чем оно поразительнее, страшнее, тем выше положение заведующего им бога в мифологии; второстепенные божества управляют менее важными явлениями, — но непременно управляют, это одно из первых условий их божественности. В обществе с таким религиозным мирозерцанием человек выдающийся являлся прежде всего участником в управлении естественными явлениями, приобретал атрибуты божества. Такими людьми были жрецы, маги, стоявшие в наибольшей близости к богам. Здесь первое основание веры в магию; здесь магия является занятием священным, доступным исключительно благочестивым людям, теократическим аристократам, людям происхождения высшего, чем масса. По мере того, как естественная религия, в своем постепенном развитии, переходила в антропоморфизм, вера в магию падала. Так, в классическую эпоху Греции это верование было весьма мало распространено, хотя следы его существования в древности можно заметить и в

позднейшей литературе. Но по мере того, как греко-римский мир приходил в сношение с Востоком, вера в колдовство, а за нею легенды о магах, распространялись все более и более. Сначала образы классической мифологии получили некоторые атрибуты волшебников, а потом и наиболее выдающиеся исторические личности мало-помалу приняли характер магов. К началу христианской эпохи эти верования приобрели уже более обширное распространение. Вступление на историческую сцену христианства оказало громадное влияние на их характер и распространение. Прежде всего изменился взгляд на магию: до сих пор она входила в состав религии, была особым рода знаком милости божества, возвышала человека до бога, обладание ею указывало на высокое достоинство человека. Теперь магия Востока сделалась преступлением против религии, грехом. Объяснение такой перемены найти не трудно. Весь языческий пантеон не только был лишен новою религией своей божественности, но и причислен к области злого начала: язычники, принося жертву, служат, по словам апостола Павла, бесам, а не Богу. Такой взгляд на прежних богов, выраженный учителями новой веры, легко укоренился в религиозном мирозерцании народа. Но масса не могла скоро отказаться от старых божеств, не могла изгладить их совершенно из памяти, признать простою фикцией, и населила некоторыми из них ад. Если таким образом языческий бог сделался дьяволом, то и маг, его служитель, стал слугою сатаны. Вместе с этою переменою в общем значении магии произошла еще и другая — в понимании колдовства. Прежний маг, как служитель божества, пользовался своею силою для добрых целей: он укрощал бури, останавливал град, вызывал дожди, уничтожал заразы или наказывал за грехи против бога, — теперешний волшебник не может уже иметь таких целей в своей деятельности. Он враг

Бога, слуга сатаны. Средневековый аскетический взгляд видел самого страшного грешника в человеке, стремящемся к чувственным наслаждениям. Мир чувственных наслаждений есть мир дьявола; чтобы доставить себе наиболее таких наслаждений, нужно войти в наиболее близкие отношения к дьяволу, заключить с ним союз, сделаться волшебником. И вот, новые маги пользуются своей сверхъестественной силой главным образом для доставления себе таких наслаждений. Верование в волшебство, перешедшее в Европу с Востока, привилось к средневековому религиозному мирозерцанию и произвело обширный цикл сказаний, который развивался на христианской почве в течение 16 ½ веков. Все эти сказания, начиная с легенды о Симоне Волхве и кончая циклом Фауста, в своем постепенном развитии пережили много изменений, отражающих на себе дух времени. Особенно интересно в этом отношении сравнить средневековые сказания с легендами, возникшими в реформационную эпоху, к числу которых принадлежит и сказание о Фаусте. Как те, так и другие сосредоточиваются на союзе человека с дьяволом. Возможность подобного союза никогда не возбуждала сомнения ни у протестантов, ни у католиков; если существует союз с Богом, отчего же не быть союзу с дьяволом? Искушение сатаной Христа в пустыне служило основанием подобной веры. Но причины заключения союза, его цели и результаты далеко не одинаковы в различных сказаниях. В легендах о волшебниках, относящихся к средневековому периоду, главной причиной отпадения от Бога и союза с дьяволом служит излишняя привязанность к земным благам, находящимся во власти «князя мира сего». Нарушение аскетического идеала — причина гибели человека. Гордость, честолюбие, земная любовь, даже излишняя привязанность к светскому знанию постоянно ведут к

союзу с дьяволом. В весьма раннем сказании о Теофиле, наместнике Аданского епископа в Сицилии, жившем в VI веке, рельефно выставляется *честолюбие* причиной отпадения от Бога. Теофил был добрый, искренний пастырь своей церкви, и епископ вполне полагался на него; все его любили, уважали, потому что он был отцом бедных и сирот. Когда епископская кафедра сделалась вакантною, то клир и народ с полным единодушием избрали его преемником умершего; но он сам отказался от этой чести. Три дня прихожане упрашивали его, но он продолжал настаивать на своем решении. Тогда архиепископ призвал на эту должность другого достойного человека. Новый епископ, под влиянием врагов Теофила, заменил его другим пастырем. Сначала отставленный наместник терпеливо переносил постигшее его несчастье, но вскоре искусителю удалось возбудить в его сердце злые мысли. *«Честолюбие и гнев настолько овладели им, что от предпочел временные почести высшему блаженству и, чтобы приобрести их, не устранился прибегнуть к помощи волшебников»*¹.

Земная любовь, какова бы она ни была, приводит также к гибели, если она очень сильна. Эта мысль проводится в сказании «о рабе сенатора Протерия», рассказанном в житии св. Василия, архиепископа Кессарии Каппадокийской (IV в.). У сенатора Протерия (при императоре Юлиане) была дочь, которую он предназначил к монастырской жизни. Один из его домашних рабов воспылал к ней страстной любовью и отправился к волшебнику, чтобы тот, своим искусством, доставил удовлетворение его страсти. Волшебник дал ему рекомендательное письмо к дьяволу; это письмо надо

¹ Сказание о Теофиле записано было на греческом языке Эврианом и уже в VIII в. переложено на латинский язык Павлом Дяконом.

было поднять кверху на могиле какого-нибудь язычника, чтобы явились слуги сатаны и отвели к своему господину. Так раб и сделал; вследствие чего был приведен в то место, где восседал на троне сатана, окруженный своими духами. Сначала дух тьмы прикрикнул на новичка; но когда тот письменно отказался от крещения, добровольно произнес похвалу новому господину и вызвался разделить с ним в вечности приготовленную ему участь, то дьявол смиростивился и принял его благосклонно. Затем послал демонов страсти воспламенить в девушке любовь к этому погибшему человеку, что им и удалось.

Можно привести еще целый ряд сказаний, где нарушение требований аскетического идеала становится причиной союза с дьяволом: так, распутство привело к волшебству герцога нормандского Роберта, а веселая жизнь — одного рыцаря (*Militarius*), героя поэмы Цезария фон Гейстербаха.

Другая особенность средневековых легенд о волшебниках заключается в *результате* союза с дьяволом: обыкновенно грешник раскаивается и с помощью какого-нибудь святого, особенно Девы Марии, получает от Бога прощение. Так, раб сенатора Протерия прибегает к помощи св. Василия и после долгих общественных молитв подает рукопись с высоты в руки святого, который разрывает ее, затаптывает в грязь, а спасенного возвращает жене его. Сказание о Теофиле, спасенном от союза с дьяволом Божьей матерью, послужило сюжетом многих поэм в ее честь. Таким образом, средневековые легенды о волшебниках представляют из себя с одной стороны проповедь аскетизма, с другой являются *носителями культа святых* вообще и Девы Марии в особенности. Легенда о волшебниках служит могущественным проводником католических идей, потому что она получает обширное распространение. Что она

ушно распространялась в народе, это видно из бесчисленного количества сказаний подобного рода; с другой стороны, и литературные обработки таких легенд встречались довольно часто¹.

Наступление реформационной эпохи не положило конца развитию сказаний о волшебниках. Религиозный интерес, почти ослабленный гуманизмом, снова был выдвинут на первый план реформацией. Снова поднялись богословские диспуты, снова загорелась религиозная борьба между сектами, естественно развившимися из индивидуалистического принципа, выставленного реформацией. Католическая демонология осталась в полной силе у протестантов. Благочестивые последователи Лютера и сам он предостерегают человечество от козней дьявола тем с большим жаром, что явилась новая опасность, новое искушение — чрезмерное развитие жажды знания. Похождения волшебников обсуждаются на церковных кафедрах и составляют обыкновенный предмет застольных бесед.

Из явлений, характеризующих наступление новой эпохи, оказали особенно сильное влияние на эти сказания следующие: *реакция против папства, изменение в характере науки, падение аскетического идеала и*

¹Для примера можно привести литературную историю сказания о Теофиле. Составленное в VI в. Евтихианом на греческом языке, это сказание в VIII в. было переведено на латинский Павлом Диаконом. В IX в. поэтесса, монахиня Просвита переложила его в стихи; затем, в XII в. оно было снова переложено в латинские стихи Марбадом Реннским; в XII же веке перерабатывает это сказание Гартман в своем немецком стихотворении «О вере» (Vom Glauben). В XIII в. неизвестный поэт делает из этого сказания поэму в честь Богоматери. В 1250 г. этим сказанием пользуется автор *Passional'*я, в 1276 — Бруно фон-Шенебеке. К XIV столетию относится нижненемецкое стихотворение о Теофиле; есть также обработка па верхненемецком и на французском языках (последнее Рутебефа).

прекращение культа святых. В XVI столетии тщательно собираются и выставляются на вид те сказания, где фигурируют папы. В одной из обработок легенды о Фаусте, конца XVI в. (Видмана), волшебниками являются следующие папы: Иоанны XIII, XIX, XX, XXI, Григории VII и XI, Бенедикт IX, Павел II, Александр II. Большая часть из них заключили союз с дьяволом из распутства, корыстолюбия и т. п., а Григорий VII получил от сатаны волшебное зеркало с условием «ввести за это в честь дьявола целибат».

Ни один из них не спасся от когтей дьявола (что указывает также на происхождение сказаний в реформационную эпоху); иных черт захватил даже в алтаре.

Не одним папам достается от реформационной легенды; она идет далее: ставит колдовство в связь с ритуалом католической церкви, видит в ее обрядах если не самую магию, то по крайней мере лучшее пропедевтическое средство для занятий ею.

Другое изменение в характере сказаний такого рода произошло в зависимости от состояния тогдашней науки. Эпоха Возрождения не была только проявлением ученого интереса к истории классического мира, развитием вкуса к его искусству. «Вместе с древностью, говорит Куно Фишер, снова оживилась и вера древности, религия и философия греческого мира. Это было действительное возрождение»¹. «Греческая философия возродилась в новом мире в том виде, в каком она закончилась в древнем. Платонова академия в Афинах пала по могущественному слову Юстиниана; через девять веков снова восстала Платонова академия во Флоренции, под покровительством великого Медичи. Флорентийская академия начала изучение природы и

¹ Kuno Fischer. Gothe's Faust. Ueber die Entstehung und Composition des Gedichts. Stuttgart. 1878. p. 24.

мира, выходя из тех же принципов, с которыми умерла афинская. В представлении, что мир есть истечение божества, что полнота божественных сил в постепенной правильности нисходит с высших сфер на земные и в просветленных душах человека снова возвращается в надземные области — в этом религиозно-понимаемом обоготворении мира греческая философия сказала свое последнее слово».

Выходя из такого теософического мирозерцания, приступили ученые эпохи Возрождения к изучению природы. Природа представлялась им не предметом методического исследования, а мистерией, для доступа в которую нужно было найти лозунг. В их глазах она — книга, закрытая для земных чувств; чтобы понять ее знаки, нужен ключ, столь же таинственный, как сама книга. Поэтому такой образ мыслей стремится к загадочному, таинственному учению, и наступает в эпоху Renaissance такой момент, когда призывают на помощь иудейско-каббалистические книги, в которых думают найти разрешение этой загадки из божественного откровения первобытной эпохи. За такие средства с верою хватался итальянский платоник Пико Мирандольский и немецкий гуманист Иоанн Рейхлин.

Таким образом, магия, как переходная форма от теософии к натурфилософии и естествознанию, сделалась предметом изучения, но в то же время в глазах большинства она оставалась колдовством, дьявольским делом, как на нее смотрели и в средние века. Поэтому все выдающиеся ученые считаются колдунами. Существуют сказания о волшебстве аббата Иоганна Триттенгейма, Парацельса, Иеронима Кордана, Агриппы Неттесгейма и пр. Точно такую же репутацией пользовались и простые шарлатаны, выдавшие себя за ученых.

Такое изменение в направлении науки повлекло за собою соответствующую перемену в сказании о магах.

Они занимаются дьявольским искусством, вступают в союз с дьяволом для того, чтобы узнать более, чем дано человеку. Является новая причина к союзу, и волшебник становится *титаном*, восстает против Бога, ограничившего познающую способность человека.

Менее заметно отразилось в этих сказаниях падение аскетического идеала, хотя и в этом отношении можно указать несомненные следы новых воззрений в некоторых подробностях. Так, например, любовь, стремление к семейной жизни, которое привело к союзу с дьяволом раба Протерия, в сказаниях реформационного периода считается делом благочестия. Целибат ввел Григорий VII в честь дьявола. В легенде о Фаусте встречается также немало примеров подобного отношения к браку.

Наконец, догматическое изменение, произведенное реформацией в религиозном миросозерцании католицизма, отрицание культа святых и Девы Марии, произвело важный переворот в сказаниях о магах. До сих пор эти легенды были проповедью поклонения Богородице, что составляло, может быть, одну из главнейших причин их распространения; теперь часто слышится, особенно в позднейших, наиболее распространенных обработках Фауста, сомнение в этом веровании, а иногда даже насмешка. Отсюда произошло изменение в самом тоне сказания: спасение грешника святым или Мариєю вносило в легенду примиряющее начало; иногда читатель заранее готовится к благополучному исходу, когда, напр. отрекшийся от Бога ни за что не хочет отказаться от Богородицы. В XVI в. этот оттенок теряется. Титан с демоническим характером, вступивший в борьбу с положенными Богом пределами своей ограниченной природы, в конце концов должен погибнуть, потому что у него нет более заступника. Все герои волшебных сказаний этого периода действительно гиб-

нут. Таким образом, в легенду входит новый элемент — трагический.

Все эти изменения, внесенные в сказания о магах в начале новой истории отражаются, как в фокусе, в легенде о Фаусте.

II.

Обширный круг волшебных сказаний, которыми так богат средневековый период, заканчивается циклом легенд, центром которого является знаменитый маг и волшебник, доктор Иоганн Фауст. Вопрос о том, был ли этот доктор действительной исторической личностью, или обязан своим происхождением народной фантазии, вызвал обширную литературу. Уже в XVII столетии было посвящено Фаусту несколько исследований; но особенный интерес он возбуждал в XVIII веке. Это была эпоха, когда разум начал требовать для себя вмешательства в общественную жизнь, когда рационализм проникал в общество, начиная понемногу восставать против жестокого преследования обвиняемых в колдовстве. Когда ведьм и волшебников перестали сжигать на кострах, возникла потребность оправдать память тех, которые в прежнее время подверглись такой печальной участи. Появляется целый ряд исследований, написанных с этой именно целью¹; само собою разумеется, что в них нельзя было умолчать о такой известной личности, как доктор Фауст, причем

¹ Стоит только прочесть заглавия подобных сочинений, чтобы видеть, с чем они борются. Так, книга Nodé называется: *Apologie pur tous les grands personnages qui ont été soupçonnés de Magie*; книга Вагнера: *De eruditissimum spirituum familiarium usus suspectis*.

большинство ученых держалось того воззрения, что никогда никакого Фауста в действительности не существовало, что все его приключения придумали монахи для устрашения легковерной толпы. Реальное существование Фауста отрицали также некоторые из позднейших писателей, но только с другой точки зрения; так, взгляд, имевший и имеющий до настоящего времени авторитетных сторонников, видел в Фаусте знаменитого типографа. Впервые такое воззрение высказал Иог. Конрад Дюрр в 1675 г. Он видел в сказании выдумку монахов, ненавидевших Фауста за его вредное для них изобретение. Это мнение повторено было несколько раз в XVII и XVIII столетиях; в XIX оно нашло себе сторонников в лице знаменитого поэта Гейнриха Гейне и знатока немецкой мифологии Карла Зимрока.

Хотя нет сомнения, что изобретение книгопечатания произвело на народ сильное впечатление, что народное суеверие действительно видело иногда в первых типографиях чернокнижников, как это было, напр., у нас в России, тем не менее есть достаточно оснований считать героя сказания совершенно другим лицом, не имеющим ничего общего с знаменитым изобретателем книгопечатания. У писателей первой половины XVI столетия есть указания на то, что в эту эпоху жил и действовал один странствующий схоластик, полуученый, полушарлатан, волшебные деяния которого пользовались обширною известностью среди его современников. Это некий Георгий Сабельский, называвший себя Фаустом.

Самое древнее историческое свидетельство о Фаусте встречается в письме ученого спонгеймского аббата Иоганна Тритемия, от 20 августа 1507 г., в Гасфурт, к математику Иоганну Вирдунгу, который с нетерпением ожидал, когда туда прибудет знаменитый Георгий Сабельский.

Тритемий разочаровывает своего друга: «человек, о котором ты мне писал, Георгий Сабельский, осмелившийся называть себя главою некромантов, бродяга, пустой болтун, обманщик, достойный быть наказанным розгами, чтобы он не смел с наглостью публично высказывать мнения преступные и противные святой церкви. Когда я возвращался в прошлом году (т. е. 1506) из Бранденбурга, то застал этого человека в Гейленгаузене. Как только он услышал о моем прибытии, то убежал из гостиницы, оставив карточку, на которой было написано: “магистр Георгий Сабельский, Фауст младший, глава некромантов, искусный маг, хиромант, агромант, пиромант, опытный в гаданье на воде”. Затем маг посетил Вюрцбург и в конце этого (1506) года явился в Крейцнах, где, по ходатайству Франца фон-Зикингена, ему было дано место школьного учителя; но вскоре он был уличен в педерастии и принужден бежать из этого города. Вот что известно мне, заключает свое письмо Тритемий, по достоверным данным, о том человеке, прихода которого ты ожидаешь с таким нетерпением. Когда он придет к тебе, то ты найдешь в нем не философа, а глупого и наглого человека».¹ Другое известие, относящееся к тому же лицу, находится в письме Муциана Руфа в одному из его друзей, от 7 октября 1513 г.: «За восемь дней до этого, пишет он, прибыл в Эрфурт некий хиромант Георгий Фауст, гейдельбергский полубог, пустой хвастун и глупец; суетно занятие его и всех гадателей; но грубые люди удивляются ему... Я слышал его болтовню в гостинице и не наказал за хвастовство. Какое мне дело до чужого безумия?»

В этом известии нет уже имени *Sabellicus*, и шарлатан более не называется младшим Фаустом. О его дея-

¹ Hauber. Bibliotheca acta et scripta magica.

тельности Тритемий говорит мало. «Как передавали мне некоторые священники в этом городе (Гейленгаузене), шарлатан в присутствии многих говорит, что обладает таким знанием всякой мудрости и такую памятью, что если бы погибли все книги Платона и Аристотеля, со всею их философией, то он был бы в состоянии, как второй Ездра, своим умом снова восстановить их все еще с большим изяществом. В Вюрцбурге в присутствии многих он говорил, что чудеса Христа Спасителя не удивительны, и что он может, когда захочет, совершить все то, что делал Христос».

Но является вопрос, в каком отношении находится Георгий Фауст к Иоганну Фаусту, герою легенды? Была это одна и та же личность, или их следует отличать друг от друга? В пользу первого предположения можно привести прежде всего то, что в Эрфурте, где, по словам Муциана Руфа, был Георгий Сабельский, имя Иоганна Фауста было весьма известно: там один переулок носил его имя; о нем упоминает Эрфуртская хроника. Затем, Иоганну Фаусту приписывают то же обещание в Эрфурте, какое сделал Георгий в Гейленгаузене, только вместо Аристотеля и Платона Иоганн Фауст хотел восстановить действительно потерянные места Теренция и Плавта.

Но вместе с тем есть основание думать, что одновременно с Георгием Сабельским действовал другой маг, его счастливый соперник, называвшийся Иоганном Фаустом. Слава этого последнего настолько затмила Георгия, что народная молва приписывала Фаусту все волшебные деяния, о которых ходили в эту эпоху рассказы. В первой четверти XVI в., Иоганн Фауст уже знаменитость; его знает Меланхтон и сам Лютер; по словам современников, Фауст родом из Книттлингена; но о нем, как о Гомере, спорили несколько городов, из которых каждый хотел быть родиной знаменитого че-

ловека. Поэтому в литературных обработках легенды о Фаусте местом его рождения считается то Рода в Веймаре, то Зальцведель в Ангальте. В бумагах Гейдельбергского философского факультета значится, что в 1509 г. там получил степень бакалавра теологии Иоганн Фауст. В 1516 г. он гостил в Маульбронне у своего земляка и друга детства, аббата маульброннского монастыря Иоганна Энтенфуса, где его пребывание, вероятно, довольно продолжительное, произвело сильное впечатление, потому что жители этого города хранили воспоминание о Фаусте даже в XIX столетии. Еще около 1840 г. показывали там лабораторию Фауста и башню, с которой он, по преданию, занимался своей наукой и которая называлась Фаустовой. Пребывание в Маульбронне можно считать началом деятельности Фауста; его смерть, по словам Меланхтона, произошла около 1540 года. Известия о Фаусте, дошедшие до нас от его современников, настолько обстоятельны, что не только делают несомненным реальное существование этой личности, но дают некоторые подробности его жизни и довольно живо рисуют перед нами его образ. Ученик Меланхтона, Лерхэймер, рассказывает¹, что развратный дьявольский плут Фауст находился некоторое время в Виттенберге и однажды пришел к господину Филиппу, который прочел ему добрый текст и, побранив, убеждал заблаговременно бросить это дело, иначе он может дурно кончить, что и случилось. В другом месте тот же автор передает о попытках Лютера и Меланхтона отвратить Фауста от занятий магией, «но это не удалось, наоборот — он соблазняет других, так что князь приказал посадить его в тюрьму, откуда Фаусту удалось убежать». С этих пор начинаются его странство-

¹ Ein christlich Bedenken und Erinnerung vor Zauberey.

вания по Европе: он был в Лейпциге (около 1525 года), Эрфурте, Базеле; подвергался арестам в Нюрнберге, Баттенбурге на Маасе, но всегда, так или иначе, избегал наказания; летал по воздуху в Венеции и, наконец, умер около 1540 г. Что касается места смерти Фауста, то все современники указывают Виттенберг.

Если исторические свидетельства и не могут дать нам более точных сведений о биографии Фауста, если нельзя на их основании проследить строго хронологически все события его жизни, то все-таки они имеют то достоинство, что с помощью их можно ясно представить себе нравственную физиономию героя легенды. Фауст принадлежит к странствующим схоластам. «Из школы магов вышли те, которых называли странствующими схоластами, между которыми особенно славится (*mire celebratur*) некто Фауст, недавно умерший», писал в 1546 году Геснер¹.

Итак, Фауст был ученый и как почти все ученые XVI столетия, изучавшие природу, был маг, раб дьявола в глазах не одной только черни. Его образ жизни особенно был удобен для того, чтобы расширить печальную репутацию, которую доставила ему наука. Фауст не боится этой репутации, хотя попасть из-за нее на костер в то время было особенно легко. Быть магом, хотя опасно, но приятно, а главное выгодно. В таких чертах представляется нам эта фигура и в следующем описании врача Беггарди².

«Существует один смелый и предприимчивый человек; я не хотел бы называть его имени, но он не желает скрываться и оставаться в неизвестности. Несколько лет тому назад он прошел почти все страны, княжества

¹ *Onomasticon nominum propriorum*.

² *Liber der Gesundheit*, 1539.

и королевства и сделал свое имя известным всякому. Он хвастается своим великим искусством не только в медицине, но и в хиромантии, некромантии, физиогномике и в многих других искусствах, и не только хвастается, но даже искренно считает себя знаменитым и опытным мастером. Он называет себя Фаустом, не скрывает, что он маг и подписывается **philosophus philosophorum** (философ философов), но многие мне жаловались, что были им обмануты и число таких людей очень велико. Его обещания так же широки, как обещания Фессала (волшебник времен римской империи), его слава подобна славе Теофраста Парацельса; но его дела, как я слышу, очень ничтожны и лживы, однако в приобретении денег он весьма успевал и его прославляли даже в стихах».

Старания Фауста должны были увенчаться полным успехом, потому что общественное настроение было чрезвычайно благоприятно для него. Вера в колдовство была в полном ходу, и смелый маг скоро начал пожинать плоды своего, может быть, сознательного шарлатанства.

III.

Рассказы о волшебствах Фауста начали распространяться еще при его жизни. Те же самые современники, которые оставили нам фактические данные для биографии Фауста, сообщают уже и невероятные рассказы о его волшебстве. Даже знакомые Фауста, как Меланхтон и сам Лютер, считают его колдуном и рассказывают о нем самые невероятные вещи. Это обстоятельство, как оно ни странно с первого взгляда, объясняется весьма легко, если познакомиться с взглядами

людей этой эпохи на колдовство вообще. Для этой цели мы выберем двух личностей, которые могут быть названы лучшими представителями своего времени — Меланхтона и Лютера.

Великий реформатор считал весь мир населенным бесовскою силою. «Злые духи, говорит он, носятся в воздухе, как тучи. Повсюду порхают и реют они над нами, как шмели, громадную, бесчисленную толпою, иногда показываются в привлекательном виде, огоньками, движущимися по небу, а иногда в виде дракона, или принимают другие образы. Часто видят, как они, подобно козлам, прыгают в лесах или плескаются в воде, как рыбы; иногда духи ползают по болотам и безднам, где или топят людей, или ломают им шеи; охотно поселяются они в пустых местах и занимают нежилые дома. Одним словом, бесы владеют всем, что вокруг нас и над нами до самого неба».

Лютер до такой степени привык к черту, что, когда его однажды в вюртенбергском монастыре разбудил шум, то он, узнав, что это *только* дьявол, тотчас же заснул. Злой дух доставил ему однажды новый аргумент по вопросу о пресуществлении. О проделках черта Лютер умеет многое порассказать: то дьявол, по его рассказам, хрюкает свиньей и смущает молитву священника, то в священника же бросает всякую посуду и выживает его из дому. Черт производит болезни: так, свою ушную болезнь Лютер считает делом дьявола. Бес удачно занимается адвокатурой; все так называемые самоубийцы умерщвлены дьяволом. Такой взгляд на могущество дьявольской силы необходимо вел за собою веру в колдовство. И действительно, Лютер называет чародейство «собственным делом дьявола», верит, что дьявол, по попущению Божию, может вредить душе и телу человека «через своих наложниц-колдуний». Нужна большая осторожность, чтобы не потерпеть от дьявола

и от его слуг-колдунов. В одной из застольных бесед Лютер так рассказывает о своих отношениях к колдунам: «Дьявол не пользовался против меня услугами колдунов; если бы он был в состоянии причинить мне вред таким образом, то он давно бы это сделал. Часто он уже держал меня за голову, но все-таки принужден был отпустить. Я хорошо знаю, что он за товарищ; часто он так мучил меня, что я не знал, жив я или уже умер. Он приводил меня иногда в отчаяние, так что я не знал, существует ли Бог, и совершенно терял надежду на его милость. Но я всегда защищался от черта словом Божиим».

Следующий случай, рассказанный Лерхэймером, ярко характеризует отношение Лютера к колдовству: «Один студент, занимавшийся у доктора Георга Майора, пристрастился к игре и пьянству. Однажды у него оказался недостаток в деньгах, и он в тяжелом раздумье вышел погулять за ворота; его встретил какой-то человек и спросил, отчего он так печален, уж не в деньгах ли у него недостаток? Затем предложил достать денег, если тот отдастся ему, в удостоверение чего потребовал записку, сделанную не чернилами, а кровью. Студент согласился. На следующий день, в назначенный час они снова сошлись: один принес записку, другой — деньги. Между тем доктор, заметив у студента деньги, недоумевал, откуда они у него взялись, потому что родители его, как было известно, ничего не присылали сыну. Допросив студента, доктор с ужасом узнал, каким путем приобретены были деньги. Тогда он обратился с жалобой на студента к Лютеру и другим, которые призвали несчастного к себе и, побранив, научили, что следует делать, чтобы избавиться от выданного обязательства. Затем все начали молиться Богу и пребывали в молитве до тех пор, пока не вынудили у дьявола возвращение записки».

Наименьшим суеверием отличался другой реформатор — Филипп Меланхтон. О комете, появившейся в 1539 году, он говорил, что она предвещает гибель некоторых тиранов. В сочинении о душе он рассказывает, что видал привидения, от которых предостерегает студентов, особенно не советует купаться в Эльбе, где их много и где они преимущественно опасны. В оборотней Меланхтон верил безусловно.

Если передовые люди XVI в., истинные представители своей эпохи, были так суеверны, то тем более должна была отличаться этим свойством масса. Почва для волшебного сказания в то время была чрезвычайно благоприятна, поэтому оно и начинает развиваться еще при жизни своего героя и развивается необыкновенно быстро. Из вышеприведенной характеристики Беггарди видно, что Фауст сам старался распространять молву о своей волшебной силе. Интересный пример такого рода приводит Меннель¹: «Этот маг Фауст, презреннейшая тварь, клоака многих дьяволов, хвастался, что все победы императорских войск в Италии одержаны им с помощью магии».

Суеверная толпа в свою очередь быстро измышляла различные волшебные похождения мага, и не менее суеверные писатели охотно повторяли их. Рассказывали, что Фауст водил постоянно с собою, под видом собаки, черта, который иногда принимал вид слуги и доставлял пищу своему господину. Кроме того, у Фауста был еще черт в виде лошади. Затем, у Меннеля же встречается рассказ о том, как Фауст предпринимал воздушное путешествие в Венецию. «Желая показать в Венеции любопытное зрелище, рассказывает этот писатель, Фауст объявил, что полетит на небо. Дьявол поднял его, но потом бросил с такою силою, что он,

¹ В *Locorum communium collectanea*. 1563.

при падении на землю, едва не испустил дух, но все-таки не умер».

Иногда рассказываются комические проделки Фауста без всякого сатанинского характера. По прибытии в Баттенбург на Маасе, Фауст был арестован, и надзор за ним был поручен капеллану Дорстению, который обходился с ним очень мягко; желая научиться тайным наукам, капеллан доставлял Фаусту вино, до которого тот был большой охотник. Когда однажды они допили бочонок и капеллан хотел идти бриться, то Фауст обещал научить его обходиться без помощи цирюльника, если Дорстений даст ему еще вина. Капеллан согласился. Тогда Фауст велел ему намазать подбородок арсеником, отчего у бедного капеллана сошла кожа вместе с телом. Но по большей части рассказывались ведовские дела Фауста. Два таких рассказа встречаются у Гаста¹. «Однажды Фауст зашел переночевать в очень богатый монастырь; послушник предложил ему вина, которое, однако, не понравилось гостю. Он потребовал себе другого, предназначенного для почетных посетителей; послушник отказал ему под тем предлогом, что ключи у приора, который спит. «Ключи лежат там в углу, сказал Фауст, возьми их, открой бочку, которая стоит налево и принеси мне из нее вина». После вторичного отказа Фауст послал в монастырь буйного дьявола, который шумел день и ночь, приводил в движение все в церкви и в кельях, так что монахи не имели никогда покоя. Они начали обдумывать, оставить ли этот монастырь или совсем его разрушить. Донесли пфальцграфу; тот принял монастырь под свое покровительство и выгнал оттуда монахов, приказав выдавать им только необходимое. Некоторые говорят, заключает свой рассказ Гаст, что если и теперь входят в мо-

¹ Sermones convivales. 1564.

настырь монахи, то подымается такой шум, что жители совершенно лишаются покоя. Вот что сумел сделать сатана». В другом примере фаустова колдовства Гаст рассказывает, что к одному обеду, бывшему в Базеле, где присутствовал вместе с Фаустом сам автор, маг доставил таких птиц, каких Гаст никогда не видел, каких нельзя было достать не только в Базеле, но и во всей стране.

Особенно много рассказов о волшебстве Фауста мы находим у Лерхэймера, книга которого появилась в 1585 г. Большая часть этих рассказов вошла в первую литературную обработку легенды о Фаусте, сделанную Шписом в 1587 г.; поэтому мы рассмотрим их после, а теперь приведем только один, вошедший в одну из позднейших обработок.

Фауст пировал в гостинице с своими приятелями. Слуга, который разливал вино, слишком полно налил кубок Фауста. Рассерженный волшебник пригрозил, что съест слугу, если тот осмелится повторить свой поступок. Слуга нарочно переполнил кубок Фауста, за что был проглочен и запит целым ушатом воды. Испуганный хозяин потребовал, чтобы маг возвратил ему слугу, грозя в противном случае подать жалобу. Тогда Фауст приказал трактирщику взглянуть за печку; проглоченный слуга оказался там: он был весь мокрый и дрожал от холода и страху.

О смерти Фауста рассказывались особенно страшные легенды. Замечательно, что все современники описывают обстоятельства его кончины с удивительным единодушием, что указывает на определенность и распространенность предания. В книге Гаста она описывается так: «Несчастному достался на долю печальный конец, ибо он был задушен дьяволом. На носилках его труп ложился постоянно ничком, несмотря на то, что его пять раз переворачивали на спину. Да сохрани нас

Бог, чтобы мы не сделались рабами сатаны». У Меннеля о смерти Фауста говорится следующее: «Не много лет тому назад, в последний день своей жизни Фауст сидел печально в одной деревне Виртембергского герцогства. Хозяин гостиницы спросил его, почему он сегодня против обыкновения так печален? Обыкновенно же этот презреннейший негодяй отличался такою порочною жизнью, что несколько раз едва не был доведен до гибели своими страстями. Фауст сказал хозяину: в эту ночь дом будет потрясен до основания, но ты не пугайся. Так как на другой день Фауст не выходил из комнаты, то в полдень хозяин сам вошел к нему и нашел его лежащим около постели с свернутою шеею. Таким образом погубил его дьявол». Вейгер (*De Praestigiis daemonium. Basileae, 1563 г.*) так говорит о смерти Фауста: «Наконец он (Фауст) найден был в одном селеении герцогства Виртембергского мертвым, с свернутою шеею возле своей постели; в предшествующую полночь, как говорят, весь дом колебался».

Все эти рассказы, переданные нам современниками Фауста, сложились, как показывают года издания книг приведенных авторов, еще при жизни их виновника или вскоре после его смерти. Следовательно, реальная личность превратилась в сказочного героя, еще не окончивши своего земного странствия. Писатели половины XVI в. приводят Фауста, как наиболее известный пример чародея. Буллингер, умерший в 1575 г., указав в своей книге «Против чернокнижия» признаки людей, слывших колдунами, говорит: «таких людей называют магами, и таков был в наше время чернокнижник Фауст».

Кроме этих рассказов, существует еще множество местных легенд о приключениях Фауста. Конечно, определить строго хронологически время возникновения всех этих легенд невозможно. Может быть, они развились позже, под влиянием весьма распространенных

литературных обработок; во всяком случае, эти предания важны потому, что дают более полное понятие о степени популярности легенды и знакомят с географическим ее распространением в *устной передаче*. Сказание о Фаусте образовалось прежде всего в Виттенберге, недалеко от которого герой легенды родился и бедственно покончил свою веселую, полную приключений жизнь. Затем легенды о Фаусте встречаются в Эрфурте. В этом городе есть один переулок, который носит имя Фауста. Это очень тесное пространство между двумя домами, где с трудом может пройти дитя. Название свое получил он по следующему поводу: живя в Эрфурте, Фауст сделал однажды это место сценою волшебного представления; в этом узком переулке, где прежде не мог пробраться взрослый человек, вдруг оказались две сильные лошади с огромным возом сена. Случайно проходил здесь монах; возмущенный таким наглым волшебством, святой отец произнес слова заклинания, и лошади тотчас превратились в красных петухов, а воз сена в соломину; петухи быстро исчезли среди толпы. Этот монах был не кто иной, как знаменитый Мартин Лютер.

В другой раз, в Эрфурте «Фауст объяснял студентам Гомера и иллюстрировал лекцию с помощью магического искусства. Он вызывал в аудиторию тени тех героев, о которых упоминал в лекции. Наконец, появился одноглазый великан Полифем с длинною огненно-красною бородою; изо рта у него торчало плечо человека, которого он в это время пожирал. Один взгляд на него привел всех в ужас. Великан не пожелал уйти, когда Фауст подал ему знак, но ударил о пол своим громадным железным копьём с такою силою, что вся коллегия затряслась». В Эрфурте же Фауст предлагал восстановить потерянные комедии Теренция и Плавта, но «ни богословы, ни советники не пожелали принять это-

го предложения». Из своих эрфуртских знакомых Фауст чаще всего посещал одного молодого дворянина. Однажды, когда маг был в Праге, у этого дворянина собрались гости и за беседою вспомнили об отсутствующем. Не успели они вымолвить о нем слова, как он уже явился на пир и силою своих чар доставил гостям прямо из доски стола вино всех сортов, пировал с ними всю ночь, а к утру исчез в высоте и снова оказался в Праге.

В Эрфурте, у св. Михаила, Фауст имел дом, где часто с помощью волшебства устраивал роскошные угощения для друзей.

В Лейпциге сложилась одна из самых популярных легенд о Фаусте; она связана с знаменитым погребом Ауэрбаха. В «Лейпцигских анналах» Фогеля 1714 года, под 1525 годом говорится: «К этому году относится известное сказание, что знаменитый чернокнижник Фауст с помощью своего искусства выехал из погреба Ауэрбаха на улицу, сидя на бочке с вином; бочка эта была так тяжела, что рабочие не могли вытащить ее. Это событие изображено в погребке Ауэрбаха на двух картинах. Одна представляет пир Фауста с студентами: за столом сидят, кроме пирующих, музыканты; в углу бочка с вином, около которой стоит слуга с кружкой в руке. Под картиною надпись: — Живи, пей и пируй, однако вспоминай о Фаусте и о наказании, которое было хотя не очень быстро, но зато ужасно.

На другой картине Фауст выезжает на бочке из дверей погреба; впереди его бежит собака (это дьявол); присутствующие жестами выражают свое удивление. Внизу подпись, объясняющая картину. Над обеими картинами поставлен 1525 год. Хотя происхождение этих картин именно в 1525 году в высшей степени сомнительно, потому что дом, в котором находится погреб, выстроен только в 1530 г., но тем не менее они очень

стары, потому что, как известно, в 1636 г. их подновляли». О посещении Фаустом Праги упоминает уже эрфуртская хроника; кроме того, в этом городе указывали дом Фауста, снабженный таинственными подземными ходами.

В Вене также были предания о Фаусте. Именно, там рассказывалось, что Фауст однажды пригласил к себе на пир известных гастрономов и просил их принести с собою серебряную посуду, чтобы придать пиршеству более торжественности. Когда гости во время пира перепились до бесчувствия, то Фауст приказал своим помощникам отнести их под виселицу, а сам убежал, захватив с собой серебро. Кроме того, в Вене несколько домов считались жилищами Фауста. В Дрездене Фауст сделал одного человека неспособным к супружеской жизни и тем принудил жену его к измене. В Готе он довел жену одного почтенного человека до нарушения супружеского долга и, кроме того, послал к нему в дом черта, который производил там такой шум, что дом пришлось оставить.

В Госларе Фауст научил ректора школы, как с помощью волшебных формул загнать дьявола в какую-нибудь стеклянную посудину; когда же ректор попытался это сделать, то едва не лишился жизни.

Кроме того, мы знаем уже из свидетельств современников о популярности имени Фауста в Маульбронне, Базеле, Кракове, Виттенберге, Нюрнберге, Баттенбурге и Венеции. В литературной обработке мы встретимся с Фаустом в Магдебурге, Мейселе и Зальцбурге. Кроме того, предания о Фаусте существовали в Нидерландах и Польше, где впоследствии появляется свой национальный герой, вроде Фауста, Твардовский, легенда о котором дала содержание одному из произведений Мицкевича.

IV.

Народное сказание, столь изменчивое в устной передаче, получило в первый раз прочную форму в 1587 году. Иоганн Шпис, типограф во Франкфурте на Майне, первый записал это сказание и напечатал его с обычным в то время очень длинным заглавием: «История доктора Иоганна Фауста, весьма известного волшебника и чернокнижника, как он заключил письменный договор с дьяволом, какие странные приключения он испытал, какие удивительные деяния совершил до тех пор, пока наконец получил вполне заслуженное возмездие. Книга составлена и напечатана большею частью по его собственным сочинениям с тою целью, чтобы она служила страшным примером для всех гордых, надменных и безбожных людей с предостережением для честных людей».

Изложению легенды предпослано посвящение «достопочтенным, многоуважаемым и знаменитым» мужам Каспару Кольку и Гофу, и предисловие к христианским читателям.

Прежде всего тут возникает вопрос, какие причины вызвали на свет это сочинение? Выше мы видели, что протестантизм, видоизменив легенду о волшебниках, не уничтожил веры в колдовство. Эта вера продолжала развиваться и даже усиливаться. «Я знаю мало картин более странных и вместе ужасных, говорит Лекки, чем те, какие представляет история колдовства в столетие, предшествовавшее реформации, и в столетие, следовавшее за нею... Протестанты соперничали с католиками своею ревностью в преследовании его». — «Сумасшествие, говорит он далее, бывает всегда особенно часто во время великих религиозных или политических переворотов, а в XVI столетии все его формы были по-

глощены системой колдовства и носили на себе характер господствующего предрасположения»¹. Количество магов, таким образом, увеличилось; положение же их, по тогдашнему воззрению, сделалось еще ужаснее; если они избегали сурового меча земного правосудия, то все равно не могли никоим образом избегнуть когтей дьявола, как это иногда удавалось католическим колдунам при заступничестве святых. Это обстоятельство побуждало благочестивых ревнителей реформированного христианства воспользоваться легендами о магах для предостережения современников от козней дьявола. К числу таких ревнителей принадлежит и составитель первой литературной обработки Шпис. В своем предисловии к христианским читателям, он так объясняет цель своей книги: «Я выставил на вид страшный пример Фауста и ужасный исход его занятий волшебством, чтобы все христиане и все разумные люди лучше узнали дьявола и его приемы и таким образом научились бы его остерегаться». Далее он напоминает им всю страшную греховность колдовства. «Без сомнения, колдовство и чернокнижие есть величайший и тягчайший грех перед Богом и перед всем миром... Это не есть человеческая слабость, глупость, самозабвение или, как называет ап. Павел, человеческое искушение, а прямо дьявольская злоба, своевольное безумие, ужасное ожесточение, которое невозможно понять в мыслях, не только выразить словами». Шпис очень хорошо понимает всю привлекательность занятий магией; он боится даже, как бы его книга не принесла прямо противоположных плодов, чем те, на которые он рассчитывал при ее составлении, поэтому он принимает некоторые предосторожности: «Чтобы

¹ История рационализма, т. I, ст. 58 и 59.

HISTORIA

**Von D. Johann
Fausten/ dem weitbeschreyten**

**Zauberer vnd Schwartzkünstler/
Wie er sich gegen dem Teuffel auff eine be-
nandte zeit verschrieben / Was er hiezwischen für
seltsame Abenthewr gesehen/ selbs angerich-
tet vnd getrieben / big er endlich seis-
nen wol verdieneten Lohn
empfangen.**

Mehrertheils auß seinen eygenen

**hinderlassenen Schrifften/ allen hochtragen-
der/ sämptlichen vnd Goetlosen Menschen zum schreck-
lichen Bespiel/ abschrecklichem Exempel vnd erwe-
ckungiger Warnung zusammen gezo-
gen/ vnd in Druck ver-
fertiget.**

IACOBI IIII

**Seyt Gott vnderthänig/widerstehet dem
Teuffel/ so fleuchet er von euch.**

CVM GRATIA ET PRIVILEGIO.

**Gedruckt zu Franckfurt am Mayn/
Durch Johann Spies.**

M. D. LXXXVII.

Титульный лист «Истории доктора Иоганна Фауста»
И. Шница (1587)

никто не мог быть увлечен этой историей к дерзкому подражанию (Фаусту), старательно обойдены и выпущены все формулы заклинаний».

История Фауста, по мнению Шписа, поучительна тем, что «она есть замечательный и страшный пример, в котором не только можно видеть зависть, обман и жестокость дьявола по отношению к роду человеческому, но можно с очевидностью проследить, куда приводит человека беспечность, *дерзость* и *заносчивость*».

Последние слова приведенного места особенно поучительны, потому что в них ясно указаны главнейшие побуждения, приводящие к союзу с дьяволом. Дерзость и заносчивость, являющиеся особенно часто результатом научных занятий, — вот в чем главная опасность, которую произвело Возрождение.

Предостерегая читателей, Шпис отмечает в своем предисловии новую черту, которую внесла реформация в легенды о магах; он указывает на печальный исход волшебных занятий.

«Зороастр, которого считают сыном Мисгаима, сына Хамова, был сожжен дьяволом; другого чародея, который осмелился перед одним дерзким князем представить разрушение Трои, черт живьем унес на воздух» и т. д. «Вообще, заклинатели дьяволов редко доживали до доброго конца». Таким образом, первая литературная обработка имеет душеспасительную цель и отличается поучительным характером. Главная ее задача заключается в том, чтобы предостеречь читателя от колдовства; в конце книги Шпис выставляет это, как главную цель своей работы. Его обработка заключается следующими словами: «Так окончилась истинная история и чародейство доктора Фауста. Всякий христианин, а особенно люди с надменною, гордою, дерзкою и упрямою головою, должны научиться из нее бояться Бога, избе-

гать колдовства, заклинаний и других бесовских дел, строго запрещенных Богом, никогда не приглашать к себе в гости дьявола и не давать ему у себя места, как это сделал Фауст. Так как нам представлен здесь ужасный пример фаустова закладничества дьяволу и изображен ужасный конец Фауста, то мы не должны заниматься этим делом, должны любить одного Бога, иметь его перед глазами, ему одному молиться и служить; напротив, должны отказаться от дьявола и от всякого с ним сообщества, чтобы сделаться вместе с Христом вечно блаженными. Аминь, аминь! Этого желаю я всякому из глубины моего сердца. Аминь!» Но этой чисто отрицательной целью не исчерпывается поучительный характер обработки Шписа. Она имеет другую положительную задачу — проводить в общество новые, реформационные догматы и вообще взгляды нового времени. Эта вторая сторона обработки имеет для нас особенную важность, поэтому мы рассмотрим ее ниже отдельно.

Книга Шписа распадается на три части и заключение: в 1-ой излагается биография Фауста и его беседы с Мефистофелем о научных предметах; во 2-й продолжается изложение бесед, а также описываются путешествия Фауста; в 3-й рассказаны его волшебные деяния; наконец, заключение содержит описание последних дней его жизни.

Сказание начинается коротенькой биографией Фауста, из которой мы узнаем, что он сын крестьянина, родился в Роде, близ Веймара, воспитание получил в Виттенберге, где жил один из его родственников, человек очень достаточный. В Виттенберге проводил Фауст большую часть своего времени, делая экскурсии в другие города Германии. Так, Шпис рассказывает о нескольких делах Фауста, который произошли в Инспруке, Готе, Мюнхене, Цвикау, Брауншвейге, Франкфурте

и Эйслебене; умер Фауст в Римлихе, близ Виттенберга. Таким образом, первая литературная обработка в общем представляет место деятельности Фауста сходно с историческими данными. И здесь Виттенберг служить операционным базисом для Фауста; легенда слагается в исходном пункте протестантизма; так что реформационная окраска сказания — неизбежна.

В основе сказания лежит договор с дьяволом: поэтому Фауст прежде всего приступает к заклинанию. Для этой цели он отправляется в густой лес, который находился недалеко от Виттенберга и носил название Шпилерского. В основании описания самого вызова лежит народное представление. «В этом лесу провел Фауст на перекрестке несколько кругов... и таким образом стал заклинать дьявола ночью между 9-ью и 10-ью часами»¹. Но в дальнейшем описании первого появления беса Шпис дает полную волю своей фантазии. «В лесу поднялся такой ужасный шум, что, казалось, все сейчас погибнет: деревья пригибались до земли; весь лес, по-видимому, был наполнен дьяволами, которые появлялись то там, то здесь около фаустова круга. Затем появилась молния, послышался гром и страшные ружейные выстрелы; потом разлился по лесу свет, раздались сладкие звуки музыкальных инструментов, послышалось пение, начались танцы, поединки на копьях и мечах. Затем около круга начал летать гриф или дракон, который при заклинаниях Фауста издавал жалобные звуки; потом опустилась сверху и остановилась на

¹ Перекресток играет весьма важную роль и в наших народных верованиях; по народному воззрению германцев, «ведьмы охотно собираются на перекрестках; там же следует вызывать черта» (Grimm, *Deutsche Mythologie*, p. 1028). Это верование в особенное значение перекрестка существует и у евреев: именно, туда идет царь вавилонский для вызова теней; не менее знаменит и волшебный круг.

расстоянии трех или четырех сажен от земли огненная звезда, которая превратилась в огненный шар». Фантазия так далеко увлекает Шписа, что он, сделав отступление и возвращаясь снова к описанию, позабыл, на чем остановился. «Итак, продолжает он, Фауст заклинает эту звезду раз, два и три; тогда появляется огромный огненный поток в виде человека; этот поток опускается вниз; тогда появляется шесть огоньков: один из них то опускается, то подымается, пока, наконец, образовался огненный человек, который около четверти часа ходил около круга. Наконец, дьявол принял образ серого монаха и спросил Фауста, что ему угодно?» Впоследствии Фауст еще несколько раз вызывал дьявола у себя дома. Шпис не описывает этих вызывов в подробностях, и только, рассказывая о последнем заклинании, передает, что «Фауст потребовал от Мефистофеля, чтобы тот являлся к нему всегда в образе францисканского монаха с колокольчиками, чтобы он звоном давал знать о своем прибытии»¹. Результатом всех этих заклинаний было заключение договора между Фаустом и Мефистофелем. «Доктор Фауст взял острый нож, проколол на левой руке жилу, собрал кровь в склянку, поставил ее на горячие уголья и подписал договор»².

¹ Это последнее замечание интересно в том отношении, что оно показывает, как Шпис, пользуясь народным представлением, не понимает его значения и старается дать ему подходящее объяснение. «Домовой, читаем мы у Гримма, довольствуется небольшим вознаграждением: ему достаточно красной шапки и пестрого платья с звенящим колокольчиком».

Понятно, что колокольчик является атрибутом Мефистофеля не по капризу Фауста.

² К такому средству прибегают почти все волшебники. Вопрос о том, почему для подписания подобного договора необходима кровь, решают

В изложении содержания истории о докторе Фаусте, мы рассмотрим сначала ту ее часть, в которой трактуется о различных научных, религиозных и метафизических предметах.

Беседы Фауста с Мефистофелем касаются преимущественно тех вопросов, которые наиболее занимали средневековых схоластиков, представлялись им наиболее затруднительными: о происхождении мира, о рае, об аде и его обитателях; затем следуют астрономо-астрологические вопросы и даже естественнонаучные и исторические. Таким образом, в этих беседах популярно излагается почти целая система схоластической мудрости.

Для решения вопроса о происхождении мира схоластическое учение имело твердое основание в описании мироздания в книге Бытия. Но Фауст, тем не менее, предлагает этот вопрос Мефистофелю. Тот дает следующее «безбожное и лживое показание»: «Мир не рожден и бессмертен, точно так же и род человеческий от вечности здесь обретается и в начале не имел никакого происхождения; земля должна была сама держаться, и море само отделилось от земли; земля и море, таким образом, были в столь дружественном согласии, как будто бы умели говорить. Земля требовала

различным образом: одни исследователи думают, что кровь на договоре — остаток языческой кровавой жертвы; другие, как, напр., известный комментатор Фауста Дюнцер, полагают, что в этом заключается насмешка дьявола над Христом, освободившим мир своею кровью. Вернее, просто потому, что «кровь есть совсем особенный сок», как говорит Мефистофель у Гёте. Как бы то ни было, на такой способ заключения договора с дьяволом указывают почти все сказания второй половины средних веков. Для ведьмы же вместо кровавой подписи нужна только любовная связь с дьяволом, после чего она получает свои атрибуты: хвост и козлиные ноги.

себе господства над полями, лугами, лесами, травой и листьями; напротив, море — над рыбами и всем, что в нем находится; Богу же они предоставили только создать людей и небо, с тем, чтобы впоследствии все это было ему подвластно. Отсюда возникают четыре власти: воздух, огонь, вода и земля». Эта странная космогония представляет из себя, вероятно, умышленную смесь греховных воззрений, чтобы ответ дьявола был как можно безбожнее.

Далее следует весьма интересное описание положения рая. Чтобы его осмотреть, Мефистофель возводит Фауста на самую высокую вершину *острова* Кавказа; взглянув оттуда на восток, Фауст увидел громадную огненную реку, которая поднимается от земли до неба; это — райская ограда; за оградой в середине подымается высокий остров, из которого текут четыре реки: одна в Индию, другая в Египет, третья и четвертая в Армению. Это, по объяснению Мефистофеля, Ганг или Фиссон, Нил или Гигон и Тигр с Евфратом¹.

Прежде всего, в легенде рай называется островом. Для объяснения этого места издатель первой обработки легенды о Фаусте, Кюне, приводит в связь средневековое *insula* с французским *isoler* — уединять, и переводит его: «отдельно стоящий дом, уединенное место». Но это едва ли так. По древнегерманским верованиям, «души умерших перевозились на тот остров» (Grimm. Deutsche Mythol., p. 792). Этот остров назывался *Brittia*.

Не менее интереса представляет описание ада. В это описание вошло как христианское воззрение на место мук, так и старинные народные предания об аде. Эти предания столь разнообразны и противоположны христианскому представлению, что сказание сначала, по-

¹ Этот рассказ имеет своим основанием весьма древнее верование.

видимому, не хочет их приводить. «Мы не открываем человеку, говорит Мефистофель, настоящего основания нашего жилища, ибо осужденный после смерти будет там и сам все узнает». В другом месте Мефистофель говорить: «даже мы, дьяволы, не можем знать, в каком виде создан ад, каким образом он основан и выстроен Богом, ибо он не имеет ни конца, ни начала». Но подобное колебание в сказании скоро прекращается, и из дальнейших бесед Фауста с духом мы знакомимся с самыми разнообразными воззрениями на ад. Все они распадаются на три категории: древнейшие народные воззрения, христианские и классические. Главным образом, в описаниях ада и мук преобладают христианские воззрения, основанные на указаниях священного писания, или легендарные, развившиеся из первых.

Мефистофель описывает ад следующим образом: после отпадения своего Люцифер был тотчас же низвержен в приготовленный для него ад. Там он был закован в цепи¹ и среди мрака, огня, серы и пепла, в страшном зловонии ожидает последнего суда. В дальнейших описаниях ада сказание также держится намеков и указаний св. писания. Таково представление ада в виде пропасти, основанное на словах бедного Лазаря богатому: между нами и вами пропасть велика. Подобным же образом произошло представление ада в виде долины (Иосафатова долина), которая лежит недалеко от Иерусалима. Ад занимает такую далекую и глубокую часть долины, что находится совершенно напротив Иерусалима, т. е. небесного трона, так что осужденные

¹ В послании ап. Петра говорится: «Бог ангелов согрешивших не пощадил, но, связав узами мрака, предал блюсти на суд для наказания». II. 2. 4.

должны будут постоянно жить в глубине долины и никогда не могут достигнуть высоты города Иерусалима.

Отсюда же произошли различные названия ада, как осуждение, темница, гибель и т. п. Здесь мы находим также и червь неутолимый, и огонь неугасимый, вопль и скрежет зубовный.

Среди этих-то описаний попадаются воззрения седой, народной старины. Таково встречающееся здесь представление о невыносимом холоде. Осужденные жалуются также на нестерпимый холод. Это представление ада, чуждое евангельскому, мы находим у Данте и в некоторых русских сказаниях. Его можно сблизить с неопределенным языческим германским представлением об аде. То же самое можно заметить про изображение ада в виде скалы; ад называется также *petro*, т. е. скала, ибо он имеет такую форму. Подобно тому, как пропасть, отделяющая ад от рая, понималась как самый ад, так и скала, которая не имеет ничего общего с адом, сделалась его изображением.

С внутренностью ада знакомит видение Фауста, во время которого он совершает свое путешествие в адскую бездну. Пылкая фантазия населяет ад страшными чудовищами, имеющими, кажется, восточный характер. Ад расположен в глубине, на дне пропасти, отверстие которой лежит на огнедышащей горе. В отверстие вулкана въезжает Фауст на дьяволе, который устроил доктору на своей спине кресло; здесь, по мере углубления, он встречает различных чудовищ: вначале трех дьяволов в виде громадных червей, потом крылатого оленя, который пытается столкнуть Фауста, затем на него нападают гигантские змеи, но их побеждает летучий медведь. Еще глубже появляется крылатый бык, который столкнул Фауста, так что тот полетел в пропасть. Долго летел он, наконец, в туманном предместье настоящего ада, его спасла старая обезьяна и посадила на колесни-

цу, запряженную двумя драконами. Тогда вступил Фауст в область мрака. «На четверть часа наступил столь густой мрак, что доктор Фауст не мог видеть ни колесницы, ни драконов. Затем он въехал в воду, но не чувствовал никакой влаги, только страшный жар». Волны сбили его с колесницы, он удержался на краю скалы, откуда можно было броситься или в воду, или в пропасть. Фауст предпочел последнее и бросился в пропасть, тогда он достиг основания ада, где увидел мучающиеся души. Описание мук обыкновенное. Интересно только представление души умершего. Фауст хотел схватить одну из них, но она исчезла в его руке.

Между чертами чисто христианского изображения ада мы находим в описании Шписа несколько представлений, корнящихся в народном мирозерцании, к которым принадлежат и представления об адском тумане, мраке, холоде и об адских водах. Но гораздо более выделяется среди этих представлений классический элемент. В аду сказание насчитывает десять следующих королевств, несомненно классического происхождения (за исключением одного): 1) *Lacus mortis* (озеро смерти); 2) *Stagnum opus* (огненное болото); 3) *Terra tenebrosa* (страна мрака); 4) *Tartarus* (Тартар); 5) *Terra oblivionis* (страна забвения); 6) *Gehenna* (христианское); 7) *Herebus* (Эреб); 8) *Baranthum* (бездна); 9) *Styx*; 10) *Acheron*, «в котором царствует дьявол, по имени Флегетон».

Что касается до воззрений сказания на происхождение и сущность демонической силы, то они вообще отличаются церковным характером. Это или просто библейский рассказ, или легенда, образовавшаяся на его почве. «Мой господин, Люцифер, говорит Мефистофель, который теперь так называется вследствие низвержения из области ясного, небесного света, был также ангелом и херувимом Божиим. На небе он видел все

дело и создание Божие; он обладал такую красотой, блеском, властью, достоинством и жилищем, что возвышался над прочим созданием Божиим; он был так просветлен Господом, что превосходил свет солнца и звезд». Но легенда, развивавшаяся на библейской почве, идет далее и варьирует христианские представления. Так, пред Фаустом появляются бесы в виде разных чудовищных животных — Белиал—в виде крылатого медведя, Вельзевул — крылатого быка, Астерат — чудовищного червя и т. п.

В основе этих представлений лежит старинное верование о переселении душ, с которым стоят в связи и наши оборотни. В средневековых волшебных сказаниях такое воззрение встречается постоянно. С христианством и развитием учения и сказаний об адских муках, появился принцип *per quod quis peccat, per idem punitur*. Действительно, и в наших сказаниях, и в изображениях страшного суда наказание, по большей части, соответствует преступлению (клеветники повешены за язык и т. п.). В Западной Европе это соответствие выражалось несколько иначе. Тираны, гонители, разбойники, убийцы, показавшие себя в жизни львами, медведями и волками, были мучимы после смерти дьяволами в подобных образах. Особенно любопытна одна подробность: к Фаусту является черт Анупис с собачьей головой. Египетский бог, знакомый на Западе благодаря классикам, занял свое место в аду, сохранив старинное изображение. Описания рая и ада, занимающие довольно много места в первой литературной обработке легенды о Фаусте, введены Шписом и вместе с прочими учеными объяснениями Мефистофеля пришиты на живую нитку к сказанию. Такое введение в предание схоластического балласта произошло, с одной стороны, под влиянием дидактической цели обработки, а с другой — под влиянием увлечения автора литера-

турными источниками. Желание поучать доводит иногда Шписа до абсурда. Вот, напр., как описывает у него Мефистофель, дьявол, дух лжи, хорошо известный ему ад:

«Заметь, что ад — это ад смерти, пламя огненное», в нем навсегда нужно забыть о лучшем, потому что «в нем вечная мука и вопль, вечный огонь неугасимый; он жилище адских драконов, червей, чудовищ; он — место пребывания низверженных дьяволов; в нем ужасная вонь от воды, смолы и серы и всех расплавленных металлов. Скорбь и ужас там более и тяжелее, чем где-нибудь», потому что они служат «безмерным наказанием за безмерные грехи». Отчаяние, невыносимый холод, неугасимый огонь и ужасная вонь — вечные орудия мучений для грешников; «с плачем, со скрежетом зубов, с воплями, с дрожью в руках и ногах оплакивают они свои мучения». Вообще, глава, описывающая ад, есть настоящая проповедь средневекового монаха. Обилие описаний ада, дьяволов и мук — обычный прием средневековых проповедников, имевших в виду привести в ужас слушателя, фантазия которого и без того была запугана всякою чертовщиною.

С другой стороны, источники Шписа давали обильный материал для таких описаний. Вообще, рассказы о рае и аде были особенно распространены в XIV и XV столетиях под обычную форму видений или снов. Они начали распространяться на Западе довольно рано и шли частью из Византии, частью развивались на местной почве. Существовали также рассказы о рае и аде людей, воскресших из мертвых. Непосредственным источником Шпису служили в данном случае сказания о видении Альбериха в Монте-Кассино (1127) и Тундаля (1147).

Наконец, волшебные книги, из которых многие приписывались Фаусту и которые служили одним из глав-

ных источников для Шписа, с большой охотой останавливаются на описании адской силы и ее организации¹.

Но не только вопросы теологического характера интересуют Фауста, он требует также от Мефистофеля разрешения своих философских и ученых сомнений: на первом плане здесь стоит астрология.

В начале XVI и даже в конце XV века верование в астрологию значительно ослабло, на нее начали нападать с различных точек зрения: богословы видели в ней безбожие, ученые оспаривали ее с точки зрения разума. В «Застольных беседах» Лютер так отзывается об астрологии: «Верование в звезды есть безбожие, ибо оно противно первой заповеди». Известный гуманист Бебель в 1509 г. написал сатиру «Предсказания, переведенные с этрусского языка на латинский», где он осмеивает астрологов за то, что они пророчествуют вещи, известные всякому, вроде того, что «летом будет избытие лилий и роз, но следует бояться грома и молнии. Осенью спадут листья с дерев и, украшение полей, цветы отцветут и завянут. Зимой люди будут склонны к вину, как говорят все шкоды астрологов. Весною вся сила земли будет направлена к производству цветов и хлеба». Такие же воззрения высказывает и Шпис в

¹ Взгляд на устройство ада в волшебных книгах весьма интересен в том отношении, что в нем феодальные порядки перенесены и в подземный мир. *Praxis fabulae nigrae doctoris Iohannis Faustii, magi celeberrimi*. Passau, 1612 насчитывает в аду семь курфюрстов, семь пфальцграфов, семь малых графов, семь баронов, семь дворян, семь буржуа и семь крестьян. В «Черном вороне» устройство дьявольской монархии носит следы более нового государственного порядка: Люцифер — король, Белиал — вице-король, затем — четыре губернатора, 7 великих князей, 5 великих министров или адских тайных советников, один государственный секретарь.

своей обработке. На занятие астрологией он смотрит, как на стремление проникнуть в сокровенное дело Божье. «Кроме того, это стремление неисполнимо для современного человека. Совершенно справедливо, говорить Мефистофель, что старинные люди, которые жили 500 или 600 лет, могли основательно изучить и постичь это искусство, ибо по прошествии столь многих лет исполняется великий год, поэтому они могли давать подобные объяснения и предсказывать кометы. Духи существуют уже много лет, летают под небесами, видят предопределения Божия, поэтому они могут предсказывать будущее. Руководимый Мефистофелем Фауст составил хороший календарь с предсказаниями, тогда как некоторые неопытные астрологи предсказывали на зиму холод, мороз и снег, а на лето, на каникулы— тепло, гром и грозу». В основе астрономических представлений сказания, как мы сейчас видели, лежит понятие о большом годе. Это разделение времени на большие и малые годы встречается у индусов; в средние века оно было также довольно распространено.

Незадолго до появления книги Шписа, в Виттенберге была напечатана книга *Libellus de Sphaera*, из которой автор заимствовал свои воззрения на этот предмет. В этой книге говорится: «Великий год составляет то пространство времени, в которое все планеты, вместе со всеми неподвижными звездами свода, возвращаются на те места, которые занимали при начале мира». Этот год считался то в 600 наших лет, то в 15,000.

Вообще говоря, большая часть космографических бесед сказания заимствована из средневековых переделок системы Птолемея, обработанной в духе священного писания. Происхождение вселенной описывается почти буквально словами писания: «В начале Бог отделил небо от воды, разделил воды и основал небесную твердь». В дальнейшем изложении мы находим пе-

республиканские средневековые воззрений, заимствованных из упомянутого сочинения *Libellus de Sphaera*. «Ты должен знать, говорит Мефистофель Фаусту, что от луны до звезд все состоит из огня, напротив того, земля холодна и мерзла».

Далее сказание знает семь планет, известных в средние века, признает знаменитые четыре элемента: огонь, воздух, землю и воду. Оно так твердо держится птолемеева учения о подвижности небесного свода, а не земли, что в частом повторении этого воззрения слышится как бы полемический тон. «Небо вращается так быстро, что вселенная разрушилась бы, если бы планеты в своем ходе не препятствовали этому». Далее, все небеса (т. е. различные сферы, окружающие огненную), движутся, только огненное находится в покое. В другом месте говорится: «небо движется и вращается столь быстро, как будто оно хочет распаяться на тысячу кусочков или разрушить всю вселенную». Такие воззрения дают возможность и здесь, как во многих других местах, видеть непосредственное влияние лютеровых «Застольных бесед». Великий реформатор стоял в этом вопросе на одной точке зрения с враждебной ему старой церковью. «Рассказывают об одном новом астрологе, говорит он, намекая на Коперника, который хотел доказать, что земля подвижна, и что вращается она, а не небо или твердь, ни солнце, ни луна. Безрассудный человек хочет ниспровергнуть все искусство астрономии, но, как показывает св. писание, Иисус Навин приказал остановиться солнцу, а не земле». Далее, в «беседах» Лютера мы находим такое определение кометы: «Комета есть также звезда, но она бежит и не прикреплена к одному месту, как планета; она — незаконное дитя между планетами». Это метафорическое выражение Лютера в изложении Шписа принимает реальную окраску; в коротенькой главе «о кометах»

встречаются следующие выражения: «Когда месяц подходит близко к солнцу, то оно, будучи весьма сильным и крепким, отнимает у него свет, так что луна делается совершенно красною. Когда потом месяц снова подымается на высоту, то изменяется в различные цвета и сверху появляется чудо — это и есть комета... Через такие соединения луны и солнца появляется чудовище — комета... Эта звезда есть как бы незаконное дитя между другими, так как ее родители, как сказано выше, солнце и луна».

Все народные предрассудки, разделяемые в то время и образованным обществом, входят в изложение Шписа. О падении звезд говорится следующим образом: «То, что мы называем падением звезд, это только огоньки и искры, спадающие с звезд, но что падает самая звезда, это только так кажется людям». Впрочем, иногда падает и звезда, но по особенным причинам. «Ни одна звезда не упадет с неба без особенного повеления Божия; Богу угодно, значить, наказать страну и жителей, если небесные тучи приносят с собою такие звезды; тогда происходит или наводнение, или пожар; гибель страны и ее жителей». Точно также смотрит сказание и на кометы. «Фигура и значение кометы бывают различны, смотря по воле Божией». Иногда она приносит с собою в страну восстание, войну, смерть, чуму и другие эпидемии, иногда наводнение, безведрие, засуху, дороговизну и т. п.

Кроме космографических сведений, сказание дает нам также географические и исторические. Любопытность Фауста заставила его предпринять путешествие, и дорогою Мефистофель, на котором он ехал, знакомит его с историей, а иногда с статистикой города. Так, об Ахене говорится, что он построен Карлом Великим, об Аугсбурге, — что он прежде назывался *Vindelica*, потом *Zizaria*, потом *Eisenburg* и, наконец, от

Октавиана Августа получил название *Augusta*, из которого образовалось его позднейшее имя¹. Статистические данные о некоторых городах весьма подробны и обстоятельны.

V.

Третья часть первой литературной обработки легенды о Фаусте занята, главным образом, волшебными похождениями ее героя. Из 69 глав «*editionis principis*», 1587 года, истории Фауста, около 30 посвящены этому предмету. Откуда же взялась такая масса рассказов? Принадлежат ли они исключительно Фаусту или перенесены на него отчасти из жизни других волшебников, пользовавшихся известностью в предшествующую эпоху? Первое предположение невероятно уже *à priori*. На самом деле, невозможно, чтобы в такой короткий срок между смертью действительного Фауста и изданием обработки Шписа (*maximum* 40 лет) составила такая масса оригинальных рассказов.

Рассказы о волшебных действиях Фауста начинаются описанием вызова тени Александра Великого и его супруги, по желанию императора Карла V. Вызов теней—самое обыкновенное дело у волшебников, начиная с библейской Лэндорской волшебницы до Фауста включительно. Непосредственных источников для этого рассказа было у Шписа два: Лютер и Лерхэймер. Тот и другой

¹ Что касается литературных источников, из которых Мефистофель черпал свои географические познания, можно указать главным образом две книги: Cajus Iulius Solonus. *De situ orbis terrarum*. Ven. 1473, и Brodaeus Turnensis. *Miscellaneorum libri sex*. Basileae, 1555.

рассказывают о современнике Фауста, Триттенгейме. По словам Лютера, он вызвал для императора Максимилиана тени Александра Великого, Юлия Цезаря и Марии Бургундской, жены Максимилиана. Лерхэймер подробно описывает появление только последней тени. Шпис заменяет Максимилиана Карлом V, Триттенгейма — Фаустом, заимствует у Лютера рассказ об Александре и на место Марии подставляет Роксану, взяв подробности опять у Лерхэймера¹.

Три главы (34, 35 и 57) первого издания заняты у Шписа следующим рассказом: Фауст, находясь при дворе императора Карла V, увидел однажды спящего рыцаря, барона фон Гарбена, и приладил ему рога. Хотя потом рога были сняты, однако, рыцарь решил наказать дерзкого волшебника и, устроив ему засаду, напал на него с семью своими слугами. Но Фауст чарами вызвал для защиты целое войско и наказал врагов тем, что снова присадил всем им рога.

Подобный рассказ находится и в «Застольных беседах» Лютера. Один чернокнижник, шутки ради, присадил рога императору Фридриху, потом, однако, освободил его от такого украшения. Имя волшебника там не названо. Шпис, приписывая эту проделку Фаусту, нарочно, может быть, изменил императора в рыцаря.

¹ Тщательность подражания Лерхэймеру доходит здесь до странности, если не до абсурда. У Лерхэймера говорится: «Пораженный сходством, император вспомнил, что у нее (Марии) было на шее *черное пятнышко*, которое, присмотревшись, заметил и у тени, когда она еще раз проходила мимо». Шпис пишет: «Император, желая более убедиться (в действительности тени Роксаны), вдруг вспомнил: я часто слышал, что у нее было на затылке *большое черное пятно*, и с этими словами подошел посмотреть, есть ли пятно у тени, и действительно нашел его». Откуда же мог узнать Карл V о пятне у Роксаны?

В 37-й главе рассказывается о том, как Фауст ездил с тремя графами на волшебном плаще из Виттенберга в Мюнхен на свадьбу к сыну герцога Баварского. Волшебник поставил условием, чтобы они все дорогою и на свадьбе молчали. Прибыв благополучно на свадьбу, они остались невидимыми для других; но один из них обмолвился, был схвачен и посажен в тюрьму, из которой Фауст потом его освободил. Прочие благополучно вернулись домой. Много сказаний основано на чисто народном веровании, лежащем в основе и этого рассказа, о коврах-самолетах или волшебных плащах. Так, Один с помощью волшебного плаща отнес на родину своего любимца Годдинга, раненого в битве. Соломон, по мусульманской легенде, летал на ковре с целым войском. Но этот рассказ заимствован Шписом у Лерхэймера, который упоминает о волшебнике (не называя имени), прилетевшем на плаще из Саксонии в Париж и явившемся в залу, наполненную гостями. По обыкновению, Шпис, перенося предание на Фауста, изменяет место действия.

О полете — только не на ковре, а на лестнице, упоминается в рассказе о том, как Фауст с студентами посетил винный погреб зальцбургского епископа. Этим рассказом начинается описание фаустовой масленицы. Студенты расположились на ступеньках лестницы и благополучно прибыли из Виттенберга на место прогулки; во время пира в епископском погребе пришел туда сторож, которого Фауст задержал и, отправляясь домой, захватил с собой, но дорогой посадил на высокую ель. Студенты с Фаустом вернулись домой, а сторожа на другой день сняли с дерева и доставили в Зальцбург. Рассказ заимствован у Лерхэймера, с заменой только Виттенберга Мейссеном.

Далее, Шпис приводит целый ряд рассказов о том, как Фауст с помощью волшебства угощал своих прия-

телей. В 44-й главе описывается пышный обед, на который Фауст пригласил графа Ангальтского и его свиту; прислуживал Вагнер, а блюда невидимо передавал ему дух. Угощая волшебным пиром студентов, Фауст сам рассказывает, что все кушанья дух достает ему из погребов знатных лиц. В другой раз самое приготовление обеда происходит при студентах. Фауст выставляет за окно жердь, на которую садятся разные птицы; их тут же ловят и ощипывают.

В основе этих рассказов лежит приведенное выше описание Гондорфом обеда с Фаустом в Базеле. Подобные же рассказы существовали об Иоганне Тевтонике, Альберте Великом и других.

Кроме волшебных пиров, Фауст устраивал волшебные замки и сады. В обработке Шписа встречаются два таких рассказа: в одном замке Фауст дал пир графу Ангальтскому; кроме здания, при замке был волшебный парк, наполненный разными зверями; среди парка блестяли озера, наполненные рыбами. В другом месте рассказывается, как Фауст в своем саду в Виттенберге угощал дам и, несмотря на зиму, сад был в полном цвету.

Предания о волшебных замках были чрезвычайно распространены в средние века. Непосредственным источником для Шписа служил рассказ об Альберте Великом, который угощал, подобно Фаусту, Вильгельма Голландского. Находясь при дворе графа Ангальтского, Фауст спросил однажды его жену, находившуюся в интересном положении, не чувствует ли она аппетита к какому-нибудь особенному кушанью, как это часто бывает в ее положении? Она сказала, что охотно съела бы винограду, но в это время его нельзя достать (дело было зимою). Фауст тотчас взял блюдо, выставил его за окно; через минуту блюдо было полно винограду, который дух принес из тех стран, где он зреет в это время года. Подобные рассказы существуют и о других

магах; в данном случае, как и во всей истории с графом Ангальтским, Шпис пользовался легендой об Альберте Великом, который буквально так же достал устриц для Вильгельма Голландского.

В 51-й главе помещен рассказ о том, как Фауст во Франкфурте наказал за наглость другого волшебника. В одной из гостиниц этого города четыре волшебника показывали публике такое чудо: срубали друг другу головы, отдавали их обрить цирюльнику и потом снова приставляли. Головы быстро срастались с туловищем. Один из этих четырех волшебников, их учитель, силою колдовства заставлял вырастать лилию на столе, пока цирюльник брил голову. Фауст, присутствовавший при этом, решил наказать старшего колдуна за наглость: подошел к столу и срезал лилию. Отрезанная голова не могла после этого прирасти к туловищу¹.

Из весьма многих рассказов о волшебных деяниях такого рода² источником для Шписа послужил тот, торый приводит Лерхэймер: «Некий дворянин A. von Sh. часто срубал, таким образом, головы и каждый раз вырастала лилия; но однажды другой маг, срезав лилию, помешал волшебству».

Верование, что с помощью волшебства можно приобрести любовь женщины, было также весьма распространено в средние века. Самым действительным сред-

¹ Любопытна подробность о лилии. Уже Шпис выражается, что это «корень жизни»; в этом случае в нее переходит на время душа. Переход души в растение, а в особенности в розу и в лилию — очень распространенное поэтическое верование; Гримм видит в этом остаток веры в метемпсихозис (Deutsche Myt., p. 786-87).

² Это рассказывалось о Симоне Волхве, Тевтонике, еврее Седекии; упоминается также у Гондорфа.

ством такого рода был волшебный перстень¹. Такой рассказ есть и о Фаусте: посредством особенной воды, которая доставляла необыкновенную прелесть лицу, и перстня Фауст помог одному виттенбергскому юноше добиться взаимности у предмета своей страсти.

Кладоискатели и кладокопатели хорошо известны средним векам и первым столетиям новой истории. Вера в заколдованные клады и в особенные волшебные средства для их отыскания живет и до сих пор в народной массе. Волшебные книги учили, как добывать клады. Странствующие схоластики занимались, между прочим, и отысканием кладов. О Фаусте также ходили такие слухи. Около Виттенберга, близ одной старой капеллы, нашел он клад, который охранял огромный «червь»². Сначала найденные сокровища казались угольями, но, когда Фауст принес их домой, они превратились в золото и серебро.

Два рассказа в книге Шписа, которые трактуют о том, как Фауст ослепил на время студентов и сделал немыми крестьян, слишком безличны, слишком лишены подробностей, — чтоб быть распространенной легендой.

Далее следует целый ряд сцен в простонародном духе; в них Фауст является простым шарлатаном, а иногда площадным фигляром. Так, пируя на масленице со студентами, Фауст показывает им разные фокусы: то раздастся вдруг оркестр музыки, то посуда начинает танцевать по столу, или дает Фауст петуху немного вина, и он засвистит; то вдруг телячья голова, поданная к ужину, заговорит человеческим голосом. Первый из

¹ Употреблялись и другие средства: примешивалась в любовный напиток ящерица; персик также возбуждал любовный пыл. обстоятельно трактует об этом предмете Видман в своей обработке легенды о Фаусте.

² Золото обыкновенно охраняет змея или дракон.

этих рассказов составляет повторение эпизода, случившегося при первом заклинании Фаустом дьявола. Движение же неодушевленных предметов — вещь самая обыкновенная в волшебных рассказах. Далее, Фауст съел воз сена, вместе с крестьянином, лошадью и телегой, в Готе; точно так же съел он воз сена в Цвикау, купив у продавца за крейцер позволение поесть его товара, сколько захочется. Оба эти рассказа изложены подробно и живо; оба они очень распространены и имели множество вариантов¹.

Шпис заимствовал их со всеми подробностями из «застольных бесед» Лютера, заменив Фаустом в первом случае Вильдфейера, а во втором — какого-то монаха.

Немало достается от Фауста и торговцам. Одному барышнику продал он лошадь за 40 флоринов, предупредив, чтобы тот не въезжал на ней в воду; барышник не послушался и немедленно отправился купить ее; тогда лошадь превратилась под ним в пук соломы. Раздраженный, вернулся он к Фаусту, который притворился спящим. Желая разбудить обманщика, торговец дернул его за ногу и к ужасу оторвал ее. Фауст поднял крик, а барышник поспешил спастись бегством, позабыв свои флорины. Рассказ этот заимствован из вышеприведенного сочинения Гондорфа, где подобный же поступок приписывается одному волшебнику, недавно повешенному.

С повествованием о барышнике стоят по содержанию в связи два других. Одно рассказывает, что Фауст

¹ Еврей Седекия проглотил рыцаря с конем и оружием, а также воз с сеном и извозчика; магистр Теодо также съел рыцаря и воз дров. Аббат Эрлольф съел в гостинице все приготовленные блюда, а потом и жену трактирщика. Богемский волшебник Цито проглотил карету со всеми баварскими волшебниками и выплюнул потом их грязные башмаки.

продал пять свиней за шесть флоринов, и что свиньи эти превратились в солому; но этот обман прошел Фаусту даром, потому что покупатель не мог его найти. Впоследствии этот рассказ, соединенный с концом предыдущего, пользовался большой известностью у чехов; героем его был Цито, а потерпевшим — мельник Михель; неудача мельника вошла в Богемии в поговорку: про невыгодную торговлю говорили: «ты столько же получил выгоды, сколько Михель от свиней».

Свой рассказ Шпис заимствовал у Гаста, который передает это же о крестьянине и мяснике и дает даже своему рассказу хронологическое определение: 1510 год. В другом повествовании несколько измененный конец истории с барышником приставлен к рассказу о еврее. Фауст занял у еврея 30 талеров на один месяц; по истечении срока еврей потребовал долг и проценты. Фауст отказался заплатить и предложил в залог будущей уплаты свою ногу. Еврей согласился и взял отрезанную Фаустом ногу; но скоро она начала гнить, и еврей должен был бросить ее, как вещь бесполезную. Узнав об этом, Фауст представил еврею долг, требуя возвращения залога. Только после долгой просьбы испуганного еврея, волшебник согласился на примирение за 60 талеров. Этот рассказ заимствован у Лютера¹.

Только два оригинальных рассказа встречаем мы у Шписа. В одном из них повествуется о том, как Фауст на дороге в Брауншвейг встретил крестьянина, который ехал в город на четырех лошадях с пустой телегой. Желая испытать его доброту, Фауст попросил позволения сесть в телегу; крестьянин отказал в просьбе. За такую грубость, которой отличаются крестьяне, Фауст заплатил тою же ценой. Он сказал крестьянину: «Ты

¹ Это предание в несколько измененном виде легло в основу «Венецианского купца» Шекспира.

глупый человек и ничтожная дрянь, потому что оказал мне такую несправедливость, какую причинишь, а может быть и причинял уж всякому другому». Затем, в наказание крестьянину, все четыре колеса повозки поднялись кверху и скрылись из виду. Испуганный проезжий принял Фауста за святого и на коленях умолял о прощении. Фауст приказал ему искать колеса у четырех ворот города. Вероятно, это предание приводит в первый раз Шпис и сильно окрашивает его моралью, вовсе не заботясь о том, подходит ли поступок, так мотивированный, к характеру Фауста. В другом рассказе описывается вызов тени Елены, но о ней речь впереди. Все эти волшебные приключения Фауста рассказываются с глубокою верою в их возможность, которая в XVI веке еще не возбуждала сомнения¹. Бес, по воззрению Шписа, может сделать почти все, что угодно Фаусту, может постоянно нарушать естественные законы. Только для объяснения самых вопиющих нарушений действительности составитель первой литературной обработки допускает обман глаз, хотя тоже волшебный. Этим же обманом чувств объясняется и то, почему волшебные кушанья не утоляют голода.

Итак, почти все предания о волшебных делах Фауста не оригинальны, не относятся исключительно к этому магу. Это или ходячие рассказы о всех колдунах, или о некоторых отдельных личностях. Собственно Фаусту

¹ Скептицизм по отношению к этим легендам проявляется позже, только в XVIII веке. В 1771 году появилось сочинение Мезена (*Verzeichniss einer Sammlung von Bildissen grosstentheils Aerzte*. Berlin 1771 г.), который, между прочим, дает рационалистическое объяснение некоторым волшебным действиям Фауста. (Так, вызов теней он объясняет знакомством Фауста с употреблением волшебного фонаря). В 1791 г. Келер написал целое исследование о Фаусте, с целью объяснить с рационалистической точки зрения все его ведовские дела.

принадлежать только те дела, которые записаны некоторыми из его современников (Гаст, Гондорф, Вейгер и Лерхэймер) и которые вошли в состав первой обработки. Но местные легенды о Фаусте, лейпцигские, маульброннские, эрфуртские, встречаются только в позднейших изложениях; может быть, потому, что они развились позже, а может быть, их не знал Шпис, как не знал он книги Меннеля. Недостаток материала для этой стороны состава первой обработки Шпис пополнял легендами о других волшебниках, приписывая их Фаусту. Это перемещение сказаний с одного лица на другое было сделано Шписом, и было сделано сознательно. По крайней мере, так поступал он в большинстве случаев, что видно из сличения его текста с источниками. Но впоследствии эти легенды ходили уже с именем Фауста, о чем свидетельствуют позднейшие обработки. Таким образом, Фауст стал типом волшебника, сказание о его деяниях сделалось коллективной легендой.

После описания волшебных походов Фауста, сказание быстро идет к концу. На 17-м году после заключения договора с дьяволом, один благочестивый человек сделал попытку обратить мага на путь истинный. Его проповедь произвела впечатление: волшебник начал колебаться; но дух угрозами не только удержал его от обращения к Богу, но и вынудил даже возобновление договора. Фауст снова ожесточился, послал духа отомстить благочестивому человеку за его попытку, а сам совершенно погрузился в чувственность. Уже и прежде каждую ночь являлся к нему черт в виде женщины¹, а теперь на 19 и 20 году договора Фауст

¹ Дьяволы могут вступать в сношения с людьми и производить детей, как в виде мужчины (*incubus*), так и в виде женщины (*succubus*). Это

имел сразу семь наложниц¹, но в последний год своей жизни он прогнал их всех и вступил в связь с Еленой, от которой у него родился сын, названный им **Justus Faustus**.

Третья часть сказания заключается описанием последнего года жизни Фауста. Он написал духовное завещание, в котором наследником назначил слугу своего Вагнера². Затем следует описание настроения духа Фауста перед смертью. Оно состоит из целого ряда жалоб на судьбу, прерываемых то насмешками, то утешениями Мефистофеля³. Легенда оканчивается описанием

верование разделяют Блаж. Августин и другие отцы церкви. Рассказы о суккубах встречаются часто в средневековых легендах.

¹ 2 голландки, 1 венгерка, 1 англичанка, 2 швабки и одна из Франконии. Собранием представительниц стольких национальностей Шпис хотел показать, вероятно, всю глубину чувственности Фауста.

² Имущество Фауста составлял «дом в Виттенберге, 1600 гульденов, отданных в рост, крестьянское хозяйство в 800 гульденов, 600 гульденов чистыми деньгами, золотая цепь в 300 крон, серебряная посуда, похищенная от разных мест, ценою около 1000 гульденов».

³ Для примера приведем здесь в переводе одну из этих жалоб. «Ах, Фауст! Как дерзка и ничтожна душа твоя! Ты не только сам погиб, но соблазнил и ближнего своего, довел его до осуждения на вечную муку. А ведь и сам ты мог получить вечное блаженство, которое теперь утратил. Зачем вы, разум и свободная воля, увлекли меня туда, где не видно другого исхода, кроме смерти? Разум и душа обвиняют все члены моего еще крепкого тела, потому что с вашей помощью я мог бы стремиться к усовершенствованию себя. Зачем вы, любовь и ненависть, овладели мною и зачем из-за вас я должен терпеть такие страдания? Милосердие и месть! За что вы назначили мне такое возмездие и принудили меня к такому позору? О, ярость и страдание! Ужели я для того создан человеком, чтобы от самого себя терпеть то наказание, которое вижу приготовленным для себя. Ах, я несчастный! Есть ли что-нибудь на свете, что не шло бы против меня в настоящую минуту?»

смерти Фауста. Мефистофель заранее напомнил ему о том, что срок кончился. В назначенный день доктор собрал своих друзей «магистров, бакалавров и других студентов», отправился с ними в деревню Рамлих, отстоящую на полмили от Виттенберга; там устроил он им пир, потом простился и просил не входить к нему в комнату, что бы там ни случилось. Ночью в комнате, где помещался Фауст, раздались страшные «свист и шум, как будто бы весь дом был наполнен змеями, ехиднами и другими вредоносными червями»; затем послышался крик о помощи; но вскоре все смолкло. Когда на другой день вошли в комнату, то увидели, что вся она забрызгана кровью, к стенам пристал мозг; там и сям валялись зубы и глаза, и вообще это было «ужасное и потрясающее зрелище». Затем нашли остальное тело: дьявол вытащил его из комнаты и бросил на кучу грязи. Таково содержание всей легенды.

VI.

Уже беглый обзор всего сказания, в первой его обработке, показывает, что легенда о Фаусте отражает на себе черты нового времени. Страстная жажда знания, заставлявшая Фауста тратить так дорого стоящее для него время на беседы с Мефистофелем о научных предметах, с одной стороны, и его печальная кончина, с другой — показывают, что волшебник принадлежит к XVI веку. Но не только на этом одном отражается в легенде Возрождение и реформация. Влияние этих событий заметно как на ее содержании, так и на характере ее героя. Громадный интерес к знанию вообще, к изучению природы в особенности, развился весьма сильно в век, предшествовавший реформации. Но отсут-

ствие метода и орудий для изучения природы не могло удовлетворить возбужденную любознательность; с другой стороны, в обществе еще твердо жила вера в возможность таинственной, магической науки, которая одна могла дать не только знание природы, но и власть над нею, и которая в глазах большинства была дьявольским искусством, опасным для христианина, потому что могла повести к сношению с дьяволом и к подчинению ему. Те смелые люди, которых не пугала эта опасность, становились героями легенды, сделавшей из них новых титанов. Представителем такого типа людей и является Фауст в сказании Шписа.

Сначала Фауст занимался богословием, но оно его не удовлетворило; «у него была легкомысленная, безрассудная и надменная голова, так что его всегда называли мечтателем, поэтому он попал в дурное общество, бросил за дверь и положил под лавку Св. Писание». Оставив теологию, Фауст принялся за изучение математики и медицины, занимался также так называемым *arte Dardaniae*, т. е. магией. «Это очень понравилось доктору Фаусту; он размышлял об этом день и ночь, не хотел более называться теологом, сделался светским человеком, назвался доктором медицины, стал астрономом, математиком, врачом и помогал многим разными лекарствами». Он «овладел крыльями орла и хотел исследовать все основания неба и земли». Бессилие в этом изучении и привело его к союзу с дьяволом. Как только он вызвал черта, тотчас же предложил ему следующие пункты: 1) «чтоб дух исполнял все, о чем его Фауст попросит, что спросит или прикажет в течение всей его, Фауста, жизни и до самой смерти. 2) Дух не должен ничего скрывать, о чем бы Фауст ни допытывался. 3) Чтобы на все вопросы дух давал верные ответы». В окончательном договоре с Мефистофелем о причине союза говорится так: «После того, как я пред-

принял изучение сущности вещей и не нашел в себе способности к этому в тех дарах, которые ниспосланы были мне свыше и которыми я был милостиво награжден, после того, как я не мог научиться этому у людей, я подчинился присутствующему здесь посланному духу, который называет себя Мефистофелем, слугою адского князя на востоке, и всему тому, что он избрет для моего в этом деле наставления и обучения».

Итак, это титан, сознательно перешедший от Бога к дьяволу, чтобы познать сущность вещей, это крайнее выражение научных стремлений эпохи Возрождения.

Другую отличительную чертою возрождения было, как известно, стремление к изучению классической древности. Но этот интерес к античной цивилизации в Германии был слабее, чем в других государствах западной Европы, и принял особый характер научного орудия против папства. Оказав сильную поддержку реформации, немецкий гуманизм был скоро ею поглощен. Тем не менее, он успел оставить в сказании некоторые следы своего влияния. Так, во время путешествий Фауст с интересом осматривает в Риме многие языческие разрушенные храмы, своды и колонны, находя в этом большое удовольствие. Но гораздо заметнее и важнее выразилось это влияние в образе знаменитой Елены.

Сознание превосходства эстетического развития греков выражалось в том, что полумифическая спартанская красавица сделалась идеалом красоты для образованных людей эпохи Возрождения. Такое воззрение на Елену разделяет и сказание. В первое воскресенье после Пасхи собрались студенты к Фаусту, и когда было выпито вино, рассказывает Шпис, за столом зашла речь о хорошеньких женщинах, и один из студентов сказал, что более всего желал бы взглянуть на красавицу Елену из Греции, — на ту, из-за которой была разру-

шена прекрасная Троя. «Она, должно быть, была очень хороша, если была похищена у мужа и причинила столько бедствий». Действительно, вызванная чарами Фауста, Елена была так поразительно красива, что «студенты не сознавали, находятся ли они в себе или вне себя, до того было велико их смущение и очарование».

Наружность Елены ясно рисуется в воображении Шписа. «Елена, супруга Менелая, дочь Тиндора и Леды, сестра Кастора и Поллукса, появилась в драгоценной черной порфире; ее волосы были распущены и казались такими красивыми и великолепными, как цвет золота; они были так длинны, что ниспадали до самых колен; у нее были прекрасные, черные, как уголь, глаза, красивое лицо, маленькая красивая головка, маленький ротик, красные, как вишни, губы, белая лебединая шея, красные, как розан, щечки, чрезвычайно красивый, блестящий вид и высокая, стройная фигура. Вообще, в ней не было никакого недостатка». Когда Елена впоследствии сделалась любовницей Фауста, то он привязался даже к семейной жизни.

Итак, появлением Елены, играющей столь важную роль в дальнейших обработках легенды и особенно во второй части гётевского Фауста, мы обязаны влиянию гуманизма¹.

Однако, влияние самого Лютера и его учения гораздо сильнее и заметнее в первой литературной обработке. Мы уже не раз цитировали «Застольные беседы», как непосредственный источник Шписа, при рассказах о волшебных деяниях Фауста. Но не только для этого пользовался Шпис произведением Лютера; сказание, в

¹ Возражая Зоммеру, который считает Елену заимствованием из легенды о Симоне-Волхве, Дюнцер приводит целый ряд поэтических изображений греческой красавицы у немецких поэтов. Но все они относятся к XV веку.

описании подробностей, постоянно проводит личные взгляды реформатора. Так, напр., в легенде несколько раз встречается воззрение, что дьявол знает дурные мысли человека и руководит им в дурных поступках. В одном месте дьявол Белиал говорит: «Доктор Фауст, в полночь, когда ты еще бодрствовал, я узнал твои мысли, состоящие в том, что тебе хотелось видеть некоторых из наиболее знатных адских духов, поэтому я явлюсь к тебе с моими знаменитыми слугами и советниками».

Вообще, вопрос об отношении дьявола к человеку сильно занимал Шписа. В изложении сказания он посвящает ему две главы; одна называется: «Фауст рассуждал с своим духом Мефистофелем о силе дьявола» (глава XV), и «Вопрос о том, в каких случаях духи мучат людей?» (глава XXX). Источник этих воззрений составляют застольные беседы Лютера, гл. 25: «Дьявол руководит и управляет сердцами всех безбожных людей, ибо он знает, что они думают». Кто-то сказал Лютеру, что магистр Н. проповедует, будто черт не знает, какие мысли имеет человек. — «Ну, отвечал он, я не верю, чтобы так проповедовали, ибо писание ясно показывает, что дьявол влагает в людей злые мысли и ослепляет умы безбожных. Так, об Иуде написано, что дьявол вложил ему в душу мысль предать Христа, а Каину он не только внушил злой умысел против брата Авеля, но даже довел его до убийства». Ясно, что две упомянутые главы предназначались для распространения и доказательства взглядов Лютера на новых примерах.

Приведем еще один любопытный пример непосредственного влияния Лютера на первую литературную обработку сказания о Фаусте. У всех народов существует верование, что ночь самое удобное время для враждебных действий злого начала. Такое воззрение необходи-

мо по психическим причинам; темнота, мрак, покрывающий все окружающее, тишина ночи всегда возбуждают инстинктивный страх. Все преступное, все, что боится света, происходит ночью. Но при развитии учений о злом начале этот страх объяснялся господством злого духа над ночью. В застольных беседах Лютера так решался вопрос: «Отчего происходит, что ночью бывает страшнее, чем днем?» Некто спросил доктора Мартина, отчего приходит в голову злой дух, если ночью услышишь, как что-нибудь упало или зашумело? — Он отвечал: «Это делает черт; — тогда воруют, тогда грабят, тогда убивают, ибо ночью никто не может думать ничего хорошего». То же самое сообщает Фауст одному доктору об этом предмете. «Так как духи не выносят солнца, то они живут и действуют под облаком, и чем яснее сияет солнце, тем выше стараются они найти себе жилище, ибо свет и солнечное сияние не положены, не соизволены и запрещены им Богом. Ночью же, при наступлении густого мрака, они живут среди нас, людей.. Нас они пугают тяжелыми снами, криками, лютыми и ужасными видениями; поэтому, если вы впотьмах, без света выходите, то на вас нападает большой страх, ночью же появляется у вас много фантазий, каких не бывает днем».

Но первая литературная обработка сказания служит проводником не только личных взглядов Лютера, но и вообще протестантских идей. Прежде всего это проявляется в враждебном отношении к папству: «Невидимым для папы, пришел Фауст в его дворец; там увидел он много слуг и придворных льстецов; увидел также, какие блюда и закуски приносили папе. Всего было так много, что Фауст потом сказал своему духу: “Пфуй, отчего черт не сделал меня папою!” Доктор Фауст увидел также там все свои качества: кичливость, гордость, высокомерие, дерзость, обжорство, пьянство, прелю-

бодяние и все безбожные дела папы и окружающей его сволочи, так что он сказал: «Я думал, что дьявол сделал из меня совершенную свинью, но теперь вижу, что можно идти далее. Эти свиньи в Риме так откормлены потому, что все время проводят в еде»». Папа не находит ни малейшей пощады в сказании. Его и султана Фауст выбирает главными предметами своих проделок, чем ставит папу в очень смешное положение. Самое сопоставление папы и султана уже характерно, но сказание на нем не останавливается. Мефистофель разыгрывает перед султаном Солиманом роль Магомета и появляется в виде и одежде папы; в таком же виде Фауст проводит шесть дней в гареме султана. Далее, враждебное отношение протестантизма к индульгенциям вызывает ироническое отношение к ним со стороны сказания. «Однажды Фауст, находясь (невидимо) в папской зале, так засмеялся, что все услышали. Никто не мог понять, что это такое было; папа же уверял свою свиту, что это осужденная душа умоляет его об отпущении, потом он возложил на нее епитимию, а Фауст снова начал смеяться».

Точно так же относится сказание к мессе и чистилищу. «Фауст приказал духу похитить у папы лучшее вино и серебряные кубки; когда папа заметил это, то велел служить мессу по осужденной душе, т. е. Фаусте, а душу назначил в чистилище. Между тем Фауст наслаждался кушаньями и вином папы». Сказание насмехается также над верою в реликвии. Когда Фауст прибыл в Кельн и увидал там монастырь, где находились останки трех королей, заметивших при рождении Христа звезду на востоке, то, обращаясь к ним, воскликнул: «Добрые люди, как долго вы блуждали, так как вы должны были пройти Палестину, Иудею, прийти сначала в Вифлеем и потом сюда! Или, может быть, после смерти вас бросили в море, откуда вы приплыли в

Рейн и по реке поднялись к Кельну, где вас и похоронили».

До сих пор мы видели солидарность сказания с реформационными идеями в отрицании католицизма и его учений; но этим не исчерпывается влияние Лютера: мы находим у Шписа повторение и лютеровых учений. Так, в сказании мы видим реформационное учение о добрых делах.

Отрицательное отношение к браку, вытекавшее из средневекового аскетического идеала и продолжавшееся в течение всей дореформационной эпохи, было прекращено, как известно, религиозным движением XVI века. Лютер видел в браке божественное установление, считал его условием благочестивой жизни; он боролся с старым воззрением на семейную жизнь не только словом, но и делом. Эта борьба со всеми ее аргументами перешла и в сказание. Когда Фауст задумал жениться, то встретил сильное сопротивление со стороны Мефистофеля, который «был врагом брачного состояния, потому что брак установлен и узаконен Богом». «Подумал ли ты о своем обещании?» — говорит Мефистофель Фаусту по этому случаю. — «Ты забыл, что должен быть врагом Богу и всем людям, поэтому ты не можешь вступить в брачное состояние, так как не можешь служить двум господам: Богу и черту; брак есть дело Всевышнего, мы же против него». Далее, Мефистофель переходит к угрозам: «Смотри, Фауст, если ты дашь обещание вступить в брак, то тебя, наверное, растерзают бесы. Подумай сам, любезный Фауст, — заключает черт свою аргументацию, — сколько беспокойства, досады, гнева, раздоров вытекает из брачного состояния». Когда Фауст продолжал настаивать на своем, то в его комнате начали летать предметы, двери сорвались с петель и т. п., так что испуганный доктор должен был отказаться от своего намерения.

Уже в этой главе заметно дидактическое стремление автора, с одной стороны которого мы познакомились выше. Там мы видели, чего советовал избегать Шпис; теперь он прямо проповедует, хотя и устами дьявола, как должен жить благочестивый человек. Резкий пример его дидактических стремлений представляет 17-я глава первой литературной обработки. Фауст спрашивает Мефистофеля: «Если бы ты был на моем месте, т. е. человеком, созданным Богом, что бы ты делал, чтобы быть приятным Богу и людям?» Мефистофель улыбнулся на это и сказал: «Господин мой, Фауст, если бы я был сотворен человеком, то преклонился бы перед Богом, всегда считал бы себя только человеком (намек на гордость Фауста) и, чтобы не возбудить гнева Божия, старался бы по возможности исполнять божественное учение, закон и заповеди; к нему одному обращался бы, его одного хвалил, почитал и славил. Таким образом, я был бы приятен Богу и знал бы, что после смерти получу вечное блаженство».

Этот дидактический тон, которым проникнута первая литературная обработка, оказал весьма сильное и неблагоприятное влияние на изображение характеров двух главных действующих лиц в легенде. Благодаря ему, главным образом, личность Фауста далеко не отличается ясностью и цельностью не только в сказании, но и в некоторых поэтических обработках. Дидактический характер сказания принудил автора ввести многие черты, противоречащие друг другу.

По существу Фауст — титанический характер; таким его представляет сказание под влиянием эпохи Возрождения¹. Сам Шпис видит в отпадении доктора от

¹ Арним, один из комментаторов легенды, наоборот, приписывает это реформации, потому что с реформациею, которая «отняла таинство от священства и наложила его на науку, исчезла в народной вере подозри-

Бога те же причины, как и в борьбе титанов. По его мнению, Фауста привели к падению «гордое высокомерие, отчаяние, наглость и дерзость, как это было с титанами, о которых поэты рассказывают, что они нагромоздили горы и холмы, чтобы воевать с Богом, и как это было с злым духом, восставшим против Бога». Но этот образ Фауста затемняется в обработке Шписа.

Вслед за подписанием договора, Фауст начинает требовать от Мефистофеля решения самых интересных, но и самых трудных вопросов — о рае, об аде, о силе дьявола, о звездах, кометах и т. п. Понятно, что Фауст обратился прежде всего к этим вопросам, потому что решение их составляло главную цель его стремлений, потому что они привели его к союзу с дьяволом. Между тем, Шпис дает совершенно иное объяснение этим беседам. По его мнению, к расспросам побуждает Фауста *страх осуждения*, желание знать, что ждет его в будущей жизни за его грех. Если это и возможно с психологической точки зрения, то все-таки личность Фауста, соединявшегося с чертом ради знания, исчезает. Здесь Фауст простой, обыкновенный грешник, начинающий каяться тотчас после согрешения. «Ему снились черт и ад, он вспомнил о том, что сделал, и думал, что через частые и длинные споры, расспросы и беседы с духом можно достигнуть исправления, раскаяния и воздержания». Эти разговоры приводят Фауста постоянно к припадкам раскаяния. Так, после беседы о падении ангелов, об их прежнем блаженстве, Фауст молча ушел от духа в свою комнату, лег на постель, начал горько плакать и вздыхать... «Я не могу

тельная сторона в богословских занятиях; народ начинает недоверчиво смотреть на научные занятия, а в особенности на занятия химией». Не говоря об искусственности этой аргументации, она теряет силу уже потому, что наука становится подозрительно раньше реформации.

более надеяться ни на какую милость, и буду повергнут, как Люцифер, в скорбь и осуждение. Горе мне! Вечное горе! Куда мне деться?! О, лучше бы я не родился на свет!» Но это раскаяние ни к чему не привело. «Его раскаяние было раскаянием Каина и Иуды, ибо с раскаянием в сердце он отчаивался в благости Божией».

Под влиянием дидактической цели — изобразить внутренние муки грешника, стремление к знанию не имеет в сказании титанического, фатального характера, а является чем-то случайным, второстепенным. Доктор Фауст, говорится в сказании, не осмеливался более спрашивать духа о божественных и небесных предметах, что было для него тяжело и о чем он размышлял день и ночь. Но, «чтобы иметь предлог коснуться божественного создания и творения, чтобы по праву вращаться около этого предмета», Фауст начинает спрашивать духа о других научных предметах, делая вид, что они интересны для него сами по себе. Но далее Шпис забывает это придуманное объяснение научных стремлений Фауста и снова рисует перед нами образ ученого. «Большую часть времени, говорит он, Фауст проводил в изучении, исследованиях и рассуждениях». Отсюда объясняются его путешествия по всем странам мира, а также в ад и в рай. Но в конце сказания кающийся грешник снова выступает в личности Фауста. Старинная традиция о спасении волшебников через покаяние и заступничество святых сохранила свое влияние и в легенде о Фаусте. Хотя Фауст гибнет, но гибнет только телом, а не душою; его жизнь в последние годы примиряет с ним читателя. За год до смерти он бросил всех своих наложниц и привязался исключительно к греческой Елене, «которую так любил, что не мог оставаться без нее ни на одно мгновение». Это уже шаг к исправлению; у Фауста появляются даже родительские

чувства: «у него родился сын, чему он сильно обрадовался и назвал ребенка **Justum Faustum**».

Таким образом, сказание понемногу начинает готовить читателя к примирению с Фаустом. За месяц до смерти Фауст совершенно изменился: «Он сделался кроток, ему приходилось, как убийце или разбойнику, получившему в тюрьме свой приговор, дожидаться смертной казни; он сделался печален, всегда разговаривал сам с собою, жестикулировал, охал и вздыхал, похудел, никому не показывался и не мог переносить присутствия Мефистофеля».

Далее следует ряд трогательных жалоб, прерываемых насмешками духа. Перед смертью Фауст произносит студентам весьма чувствительную речь. В ней он называет свою волю «упорною и безбожною», свои мысли «дьявольскими» и обращается к слушателям с таким советом: «Пусть мой ужасный конец будет вам примером и напоминанием, чтобы вы всегда имели Бога пред глазами, просили его сохранить вас от обмана и хитрости дьявола и избавить от искушения. Не допускайте дурному обществу развращать вас, как это сделалось со мною; прилежно и тщательно посещайте церкви, с твердою верою во Христа боритесь против дьявола и побеждайте его». После таких благих советов Фауст окончательно характеризует себя: «Я умираю, как дурной и хороший христианин: хороший потому, что чистосердечно раскаиваюсь и прошу милости, которая может спасти мою душу; дурной потому, что дьявол завладеет моим телом; я охотно отдаю ему тело, пусть только он оставит мне душу». Старинные традиции католических легенд о колдунах повлияли и с другой стороны на образ Фауста в обработке Шписа. Выше мы видели, что по воззрению средневековых легенд, нарушение аскетического идеала вело к союзу с дьяволом. Поэтому жажда мирских чувственных удоволь-

ствий – отличительная черта средневековых волшебников. Фауст также погружается в чувственность; в обработке Шписа мы находим множество указаний на его пьянство, обжорство и разврат. На спрашивается, какую роль играет стремление к чувственным наслаждениям в причинах отпадения Фауста от Бога?

Некоторые находят, что обе причины, т. е. жажда знания и стремление к чувственным наслаждениям, играли одинаковую роль, так что личность Фауста является как бы простым агрегатом предшествующих волшебников. Но в сказании этого нет; там чувственность отодвигается на второй план; она является следствием договора, а не причиной его, что весьма важно для характеристики Фауста. Черт соблазняет Фауста к чувственной жизни, чтобы преградить ему возврат к Богу, и Фауст поддается соблазну только тогда, когда окончательно отчаивается в спасении. Чувственность — побочная черта в характере Фауста; этим он существенно отличается от средневековых колдунов. Если в первой литературной обработке слишком напирается на эту сторону характера героя, то это показывает на невозможность отделаться от старого представления колдуна, которое оставили в наследство сказанию предшествовавшие легенды. Честолюбие, которое в некоторых средневековых легендах (о Теофиле) выставляется причиной отпадения от Бога, не играет видной роли в легенде о Фаусте. В условиях договора не встречается никакого честолюбивого требования. Только от себя вставляет Шпис замечание, что Фауст «очень высоко ценил власть над чертом; он даже хвастался в одном обществе, что скоро увидят в его распоряжении высшую власть, т. е. князя мира сего». И более ни разу во всем сказании мы не находим проявления честолюбия.

Ввиду этого, мнение, что Фауст есть протестантская переделка католического Теофила, не выдерживает критики.

Итак, в основе сказания лежит титанический образ Фауста; но дидактические задачи первой литературной обработки, с одной стороны, и традиции предшествующих легенд с другой, — до такой степени исказили этот образ, что он не производит цельного впечатления. Шпис взял для фактической стороны обработки старые легенды и влил таким образом старое вино в новые мехи. Дальнейшие поэтические обработки малопомалу освобождали первоначальное представление Фауста от побочных его черт, но вместе с тем и видоизменяли его, вносили в него новые черты¹.

¹ Вследствие противоречий в характере Фауста, как представляет его Шпис, взгляды на него позднейших исследователей крайне разнообразны. Дюнцер, напр., видит в нем простого шарлатана. «Фауст народного сказания, говорить он, менее всего может считаться благородною натурой, как утверждали; он вовсе не является противоположностью всего низкого и вульгарного; ему более нравится пустое шарлатанство и фиглярство; на них он тратит все свое время; в нем нет и следа истинной, возвышающей человека самостоятельности. Хотя дьявол должен рассказывать ему о другом мире, об аде и духах, хотя сам он проезжает для времяпрепровождения по аду, по небу и земным царствам, но чрез это он не приобрел никакого высшего воззрения, никакого стремления, достойного человека» (Düntzer, *Göthe's Faust* p. 113). Очевидно, Дюнцер проглядел первую часть легенды и особенно условия договора. Гёррес утрирует значение случайной заметки Шписа. «Надменное знание, говорит он, если оно приобретено и прямым путем, имеет в себе уже нечто демоническое. В других случаях власть и честолюбие побуждают искать союза и признать господином над собою князя мира сего, как виновника могущества и раздавателя земной почести, чтобы его силою приобрести себе то, чего нельзя достигнуть другим путем. Все это олицетворяется в Фаусте» (*Die christliche Mystik*. P. 415). Розенкранц видит в Фаусте совершенно иное. «В Фаусте, по его мнению, практически ставится на высшее место индивидуальность, в то же время теоретически исчезает всякая вера, всякая церковность» (*Geschichte der*

Если в образе Фауста недостаток полноты и выдержанности, то еще менее находим мы их в изображении другого персонажа сказания, в характере Мефистофеля¹.

По смыслу всех легенд о магах, Мефистофель — черт жадный до душ человеческих. Таким он является и в легенде о Фаусте; чертом он и должен быть, иначе теряет смысл вся легенда. Вопрос только в том, насколько удался тип дьявола в обработке Шписа? Прежде всего, мы находим в его образе черты иронического лукавства, хотя довольно слабо выраженные. Так, в самом начале легенды, при описании первого заклинания, Шпис, объясняя медленное появление черта, замечает: «Наверное, черт смеялся в кулак и, объясняя Фаусту препятствия, думал: “Хорошо, я буду охлаждать твое сердце и твою храбрость, буду дурачить тебя, чтобы завладеть не только твоим телом, но и душой”».

Чисто дьявольская злоба, злорадство человеческому горю особенно проявляются в конце сказания. Именно, 56-я глава первой обработки сказания озаглавлена так: «Как злой дух осыпает смущенного Фауста странными, насмешливыми шутками и пословицами». «Ты пренебрег искусством, которое дал тебе Бог, говорит Мефистофель Фаусту, и пригласил в гости черта. Ты 24

deutschen Poesie im Mittelalter. Halle 1830. В. II р. 39). Если бы это было сказано о Фаусте Гёте, это еще имело бы смысл; но говорить, что в Фаусте легенды теоретически исчезает вера — очевидное заблуждение. Штиглиц видит в Фаусте борьбу между верой и знанием, потому что его вера не удовлетворяет, и он ищет спасения в конечном. Наоборот, его не удовлетворяет конечное в знании, а он желает — *speculieren*.

¹ Имя Мефистофеля у Шписа *Mephostophiles*, в народной драме *Mephistophiles*, а отсюда у Гёте *Mephistopheles*. Этимология его очень темна. Различные толкования см. Кюне р. 130.

года думал, что все то золото, что блестит, и верил в то, чему учил тебя дьявол. Посмотри, ты был прекрасным созданием Божиим, а теперь принужден плясать под дудку черта, хлеб которого ел. Ты выучился дурному искусству, от которого не можешь отстать, как кошка от охоты за мышами. Пока ложка нова, ею пользуется повар, когда же она состарится, то ее бросят; не то ли же самое с тобою? Ты был кухонной ложкою дьявола, и теперь он не нуждается в тебе... Ты никогда не должен был бы доверять черту, потому что он обезьяна Бога, лжец и убийца».

Но этим и кончается изображение дьявольской натуры. Такая неполнота образа Мефистофеля еще не была бы большим недостатком, потому что воображение читателя, хорошо знакомого с условным образом дьявола, легко могло бы дополнить недостающие черты. Но не одною неполнотою страдает этот характер; он, кроме того, не выдержан, переполнен множеством противоречий. Вина эта падает на Шписа только отчасти. Дело в том, что в самой легенде личность дьявола отличается некоторою двойственностью, происходящей оттого, что в Мефистофеле отразились некоторые черты домового. А между христианским чертом и языческим домовым нет ничего общего. Первый — отъявленный, закоснелый враг рода человеческого, тогда как последний дружелюбно расположен к человеку, как это видно из народных представлений германского и славянского племени. Можно указать несколько черт даже в изображении внешнего вида Мефистофеля, которые заимствованы из представления о домовом.

Хотя нет никакого сомнения, что сам Шпис не так смотрел на эти черты, как смотрят на них позднейшие ученые, но общий дух легенды мог незаметно для него повлиять на изображение характера Мефистофеля. Только этим можно объяснить странное утешение Ме-

фистофеля, обращенное к Фаусту в день смерти последнего: «Не будь так малодушен, мой Фауст, говорит он; хотя и гибнет твое тело, однако, еще далеко то время, когда наступит суд над тобою, умереть же все равно тебе придется, хотя бы ты прожил еще сто лет, ведь умирают же турки, жидаы и другие нехристианские народы, и их ждет подобное же осуждение. Притом ты не знаешь, на что осужден, поэтому смотри веселее и не отчаивайся: черт обещал тебе помещение для души и тела; ты не будешь страдать, как прочие осужденные». К чему такое сочувствие, неприличное дьяволу?

С другой стороны, в противоречивом изображении Мефистофеля более всего виновато дидактическое стремление автора первой литературной обработки. Выше мы заметили, как дико звучит протестантское благочестие в устах черта, а таких примеров в сказании очень и очень достаточно.

Из остальных действующих лиц легенды мы упомянем лишь о Вагнере, да и то только в виду дальнейших поэтических обработок, потому что в самом сказании он не играет почти никакой роли. «Доктор Фауст, говорится у Шписа, воспитал одного мальчику, который видел все его приключения, колдовство и дьявольское искусство». Это и был Вагнер, Wagener, как его называет сказание. «Этот Вагнер сделался слугою мага, находился при нем постоянно, так что Фауст называл его своим сыном». Перед смертью Фауст сделал его наследником не только своего имущества, но и своих знаний. Он оставил ему свои книги, дал даже в услужение духа Ауэргана, который, в виде обезьяны, должен был всегда находиться при Вагнере и служить ему. За все это Вагнер был обязан, с помощью своего духа, собрать и описать подвиги Фауста. Таким образом, Вагнер — герой других сказаний, так как его деятельность должна начаться только после смерти Фауста.

Поэтому в сказании о Фаусте мы почти не находим характеристики Вагнера. «Это был дурной, беглый мальчишка, который побирался в Виттенберге; никто не хотел брать его к себе за дурной характер. Связавшись с Фаустом, он бражничал и вел шумную жизнь». Вот и все.

VII.

Легенда о Фаусте пользовалась большой популярностью еще в XVI веке; ее известность заставила и Шписа предпринять литературную обработку этого сказания. «Уже давно, говорит он, похождения доктора Фауста сделались в Германии обыкновенным предметом обширных рассказов. Историю Фауста вспоминают на пирах и в собраниях». Успех книги Шписа доказал, что мнение ее автора о популярности легенды не было преувеличено. Хотя первая обработка Шписа вышла в свет во Франкфурте-на-Майне только в сентябре 1587 года, тем не менее в том же году вышли еще *четыре* обработки легенды. Но этим дело не ограничилось. В течение 2 ½ веков легенда была издана 23 раза, из которых 17 относятся к последним 14 годам XVI столетия. Это были или перепечатки издания Шписа, или новые переработки легенды. Замечательно, что в XVII веке легенда в прозаической форме распространяется преимущественно среди образованных классов, и простой народ знает ее из устных преданий или в драматической обработке для кукольных театров. Только в XVIII в., с развитием рационализма в образованном обществе, Фауст перерабатывается в народном тоне, и в такой форме продолжает существовать на немецких книжных рынках до настоящего времени. К первой ка-

тегии относятся обработки Георга Видмана 1599 года и доктора медицины Пфитцера в сообществе с теологом Платцем в 1674 году; ко второй — неизвестного автора, скрывшегося под псевдонимом «Der christlich Meinende». Книга Видмана чрезвычайно поучительна для характеристики отношения к колдовству в конце XVI столетия. Она по своему объему превосходит почти в 4 раза издание Шписа, разделяется на три части и содержит изложение легенды с обширным к ней комментарием. Видман желает доказать с помощью ученых изысканий и авторитетных цитат реальность всего того, что рассказывалось о Фаусте. Положив в основание своего издания обработку Шписа, он произвольно видоизменил или, вернее, исказил ее. С одной стороны, он еще более усилил главный недостаток Шписа — дидактизм. Для этой цели он выпустил путешествия Фауста, рассказал о его развратной жизни и, что хуже всего, историю его отношений к греческой Елене, и сделал это, как он сам выражается, из «основательных, христианских побуждений». Что касается до вставок, то они произошли отчасти под влиянием новых источников¹, отчасти под влиянием дидактизма и желания дать обработке ученый аппарат. Вставки первой категории — единственная заслуга Видмана: они состоят из местных сказаний о Фаусте, сложившихся в Гейльбронне, Боксберге и Галле. Эти вставки имеют то значение, что сосредоточивают в литературной обработке вновь сложившиеся предания. Затем, побуждаемый дидактической целью, Видман чрезвычайно распространяет

¹ Главным источником Видмана, после Шписа, были местные предания, письма знакомых Фауста студентов, история Фауста, написанная Вагнером или Вайгером, как он называется у Видмана, и какая-то оригинальная история Фауста, написанная 3 магистрами, сыновьями одного доктора в Лейпциге.

скучный отдел научных и богословских бесед Фауста с Мефистофелем и заменяет поэтические жалобы Фауста перед смертью длиннейшими и утомительнейшими проповедями. Наконец, желание дать книге полную достоверность, несмотря на ее баснословное содержание, заставляет Видмана приводить подробное описание жилища Фауста, приводить исторические параллели и ссылаться на различные авторитеты. Но все эти урезывания и вставки гораздо менее повредили легенде, чем искажение образов Фауста и Мефистофеля. В Фаусте он видит прежде всего сластолюбца, выдвигает на первый план в его характере жажду самых низменных удовольствий. «Он бросил теологию, начал веселую жизнь» — и это довело его до союза с дьяволом. Вместо титана перед нами обыкновенный пошловато-хитрый человек, который думает обмануть черта и, пожив в свое удовольствие, «заблаговременно раскаяться и примириться с христианскою церковью». Не менее искажен и Мефистофель. Юмора и иронии в нем нет и следа; он более похож на старого сурового капуцина, чем на хитреца и «удивительного сына хаоса»: капуцинады слишком многочисленны.

Но и это произведение оказалось в XVII веке недостаточно научным. В 1674 году появилась обработка Пфитцера и Платца. Задача новых издателей заключалась в том, чтобы усилить ученый аппарат Видмана; для этой цели они к каждой главе прибавляют обширные «примечания» со всевозможными учеными цитатами из всех авторитетов. Впрочем, в этой обработке уже заметно слабое веяние нового духа. Пфитцер не верит в инкубов и суккубов. По его мнению, это одно только ослепление. «Духи, рассуждает он, не имеют телесного, существа», поэтому «они не могут дать того, чего сами не имеют, т. е. семени, которое получает свое происхождение от живого тела; но все, что живет, долж-

но необходимо питаться, а что питается — смертно». Если бы, следовательно, духи могли производить детей, «то они тоже были бы смертны, а это противоречит св. Писанию». Здесь уже сквозь схоластику просвечивает рационализм¹.

Кроме массы обработок, легенда о Фаусте вызвала чрезвычайно много подражаний. Существовало много сказаний о Вагнере, ученике Фауста, об Иоганне де Люна, ученике Вагнера, причем позднейшие волшебники представляли собою простой сколок с своего прототипа. Так, Вагнер, вступая в договор с своим духом Ауэрганом, ставит первым условием приобретение знаний. Из 10 договорных пунктов три первые касаются наук. Вагнер требует, чтобы дух сообщал ему «все, что он будет спрашивать о земных и подземных делах духов, об их положении, сколько их и как они называются». Далее, черт должен дать ему «знание всех естественных вещей», должен «старательно обучить его всем искусствам геометрии, астрономии, астрологии, алхимии и медицине». В одном только ученик уступает учителю — в нем гораздо сильнее развито стремление к благам мира сего. В семи пунктах договора он подробно исчисляет все те житейские прелести, которых желает достигнуть союзом с дьяволом.

¹ Только одна вставка Пфитцера заслуживает некоторого внимания ввиду того, что она несколько напоминает о Маргарите в «Фаусте» Гёте. «Фауст заметил одну довольно красивую, но бедную девушку, которая пришла из деревни в город (Виттенберг) и поступила в услужение к купцу. Эта девушка ему чрезвычайно понравилась, так что он всеми силами старался овладеть ею. Но несмотря на все обещания, девушка не соглашалась удовлетворить его греховным желанием и постоянно строго хранила свою честь. Тогда Фауст, не будучи в состоянии иначе достигнуть своей цели, решился вступить с нею в брак, что советовали ему друзья и товарищи. Но Мефистофель частью угрозами, а главное тем, что доставил Фаусту Елену, успел помешать его намерению».

Он требует денег, Пегаса, женщин и девиц, подземных сокровищ, возможности распоряжаться всеми животными на воде и на суше. Он желает проделывать все удивительные магические штуки и быть совершенно безопасным от всякого оскорбления. То же самое можно сказать и об Иоганне де Люна.

Фаусту приписывалась целая масса магических книг, разделявших известность своего автора. Получить одно из таких произведений было довольно трудно. В 1699 и 1770 годах в Цвикау пришли кладоискатели, которые с страшными угрозами требовали сочинения Фауста, хранившиеся, по слухам, в тамошней библиотеке. Насколько опасно было иметь какое-нибудь отношение к этим сочинениям, показывает следующий случай. В 1660 году одному бедному писцу в Гильдесгейме пришлось вытерпеть долгое тюремное заключение потому, что он за хорошую плату переписал для незнакомого чужеземца *Höllenzwang*¹ Фауста. Он избег пытки только благодаря самым достоверным свидетельствам и речательствам за его безукоризненную жизнь; нужно было уверять самыми страшными клятвами, что тот, в чьи руки была передана рукопись, не был сам черт.

Кёлер, видевший в легенде о Фаусте опасный по своей распространенности предрассудок и написавший против него целую книгу, приводит несколько очень интересных указаний на популярность сочинений Фауста в XVIII столетии. «О некоторых значительных библиотеках, говорит он, ходит слух, что они обладают редким сокровищем — оригиналом *Höllenzwang*'а

¹ Букв. «Закливание (принуждение) ада» (нем.). Общее название ряда гримуаров фаустианской традиции, часто содержащих в заглавии это словосочетание и претендующих на древность и прямое касательство к Фаусту; большей частью, однако, это произведения XVII-XVIII и даже XIX в., хотя и содержащие некоторые старинные магические рецепты (*Прим. ред.*).

Один из фаустианских гримуаров – «Таинственное и непостижимое Заклинание Ада известного доктора Фауста» (рукопись XVII в.).

Фауста. В некоторых местах, особенно монастырях, это сочинение хранится, по слухам, в отдельных, закованных цепями сундуках... Хотя теперь эти книги не особенная редкость, но они распространяются потихоньку и только в тайных кружках магов, которые неохотно показывают их самым близким друзьям и тщательно скрывают от профанов. Менее скрытные люди эксплуатируют эту таинственность и ведут очень выгодную торговлю подобными произведениями. Они готовят много списков и продают их богатым людям. Особенно занимаются этим в австрийских, баварских и швабских монастырях. Обыкновенная цена книги 200 талеров, но можно купить и за 150 и даже за 100».

Интересен далее следующий пример влияния сочинений Фауста в XVIII веке, — пример очень характерный и для самого произведения Кёлера. «Между многими печальными примерами, которые ясно показывают вредное влияние фаустова *Höllenzwang*'а на умы и на жизнь, особенно заслуживают внимания заблуждения одного студента в Иене. В 1715 году этот студент хотел вырыть клад в одном винограднике, но во время этой операции задохся от угольного чада. Никогда не рискнул бы он на столь опасное предприятие, восклицает автор, если бы не привел его к этому *Höllenzwang* Фауста». В 1722 году в Цвикау распространился слух, будто тамошние студенты из книг Фауста научились летать на плаще, и будто таким образом они носятся по воздуху над городскими стенами и соседними озерами.

Любопытное указание на влияние фаустовой легенды в XVII столетии представляет следующий случай, имевший место в 30-летнюю войну: солдаты Тилли, проникнув в Саксонию, напали на деревню Бреда на Эльбе; тогда деревенский судья вышел навстречу врагам и объявил, что его дом известен ужасною смертью

Фауста, как это показывают стены дома, еще теперь сохранившие следы крови волшебника. Сначала солдаты остановились в изумлении, но потом, быстро охваченные страхом, стали искать спасения в бегстве. Трудно указать другую легенду, которая приобрела бы себе такую известность не только в образованном обществе Германии, но и среди немецкого народа, как сказание о Фаусте. Но тем не менее эту легенду нельзя назвать исключительно немецкою, национальною, как пытаются смотреть на нее некоторые ученые. Она пользовалась обширною известностью на всем Западе. Не говоря уже об Англии, где легенда впервые получила драматическую обработку, сделанную известным предшественником Шекспира, Марло, сказание было переведено на голландский язык, равно как и легенда о Вагнере. В конце XVI столетия обе легенды были переведены на фламандский язык. Во Франции также было много изданий легенды в обработке Шписа, которая пользовалась такою известностью, что даже на переводчика сказания, Виктора Пальма Кайе (Victor Palma Cayet), пали лучи славы Фауста: он также позже считался волшебником.

В подражание Фаусту во Франции сложилось два местных сказания, герои которых, Урбан Грандье и Люксембург, носят на себе заметные следы влияния немецкого волшебника. Урбан Грандье, настоятель церкви св. Петра в Людене, был обвинен монахинями монастыря св. Урсулы в том, что вселял во многих из них беса. Благодаря различным интригам, возникший против него процесс кончился осуждением Грандье. В 1634 году он был сожжен. Вскоре после его смерти образовалось сказание о том, как он вступил с дьяволом в договор, условия которого напоминают договор Фауста. Правда, здесь видно влияние католицизма, чего нет в фаустовой легенде, но общая канва и некоторые ча-

стности, очевидно, заимствованы оттуда. Francois Henry de Montmorency, duc de Luxembourg et de Pincy, маршал и пэр Франции, родился в 1628 году, а умер в Версале в 1695 году. Он принадлежал в числу полководцев Людовика XIV, пользовавшихся большою популярностью в войске, и отличался бескорытием. Но более всего он славился патриотизмом; говорят, что даже однажды он выразил желание отдать душу дьяволу, лишь бы был счастлив его король в своих предприятиях. Заподозренный в колдовстве еще при жизни, он был подвергнут следствию, но успел благополучно отделаться от суда. Рассказывали, что на смертном одре он открылся известному Бурдалу в том, что заключил союз с дьяволом для поддержания католической церкви и религии, а также из любви к королю. Ради такой святой цели, по мнению Бурдалу, можно все простить, и святой отец сжег договор. Но не так-то легко простил народ неистовства солдат Люксембурга: он сложил целое сказание об этом полководце, где тот является волшебником и слугою сатаны. Это сказание составило народную книгу, которая распространялась на немецком языке по всем книжным рынкам Германии. Похождения Люксембурга целиком заимствованы из легенды о Фаусте; его связь с немецким волшебником принималась и позднейшими читателями, как это показывает одна народная книга первой половины XVIII века, которая имела следующее заглавие: «Разговор в царстве мертвых между прежним французским генерал-фельдмаршалом, герцогом Францем Гейнрихом Люксембургом, и доктором Фаустом, двумя архичародеями и чернокнижниками. Лейпциг 1733 года».

Наконец, в Польше влияние легенды о Фаусте отразилось на национальном сказании о пане Твардовском. Твардовский, как Фауст, делается доктором медицины, также отдает черту душу и тело; оба отли-

чаются ученостью и распутством; обоим сатана доставляет деньги и женщин; обоих уносил черт из трактира в полночь; оба, наконец, тщетно пытаются покаяться. Но при этом сходстве есть существенная разница: Твардовский — истый поляк: он дворянин и проникнут дворянскою честью. Сатана знает, как удержать в повиновении гордого пана: *verbum nobile, debet esse stabile*¹.

Но легенда о Фаусте распространялась не только, так сказать, горизонтально, географически; ее известность шла и в вертикальном направлении, от высших культурных слоев обществ до народных масс. В течение XVI, XVII и даже XVIII столетий, доктор Фауст был одинаково популярен как среди интеллигенции, так и в народе; конечно, легенда о Фаусте с течением времени, с развитием рационализма, должна была исчезать из обращения среди образованного общества, но в народе она коренится и теперь. Количество изданий народной книги о Фаусте в XIX веке доказывает, что немецкий народ хорошо знает своего героя и по настоящее время.

VIII.

В чем же заключается причина такой громадной популярности легенды? Прежде чем ответить на этот вопрос, рассмотрим те воззрения на эту легенду, которые высказаны были ее многочисленными исследователями. Все или почти все отзывы о фаустовой легенде отличаются большею или меньшею односторонностью: они не дают объяснения ее значения, потому что

¹ Лат. «слово чести должно быть твердым» (Прим. ред.).

упускают из внимания черты той эпохи, когда она впервые возникла. Так, Гёррес не видит существенного отличия Фауста от его предшественников. «Фауст, говорит он, в известном смысле, более книга, нежели личность. Все, что рассказывает история его жизни о его волшебных похождениях, все это уже за несколько столетий ходило в народе, как предание. Таким образом, личность Фауста является как бы печатью, которая приложена ко всему собранию волшебных легенд»¹. Он видит в Фаусте главнокомандующего, который свершил более, чем его предшественники. С одной стороны, это верно; похождения Фауста не оригинальны, действительно, но отчего же их приписали именно Фаусту, и отчего они популярны? На первый вопрос Гёррес отвечает поэтическим сравнением. Он знает, что Фауст был простым шарлатаном, и что сказание выбирает обыкновенно героем выдающуюся личность; но в данном случае легенда поступает с Фаустом точно так же, «как делает природа, когда она покрывает развалины цветами и зеленью».

Вопрос, следовательно, оставлен без ответа. Что касается до второго вопроса, то на него положительно отвечает Моне, стоящий на одной точке зрения с Гёрресом. «Не личность, говорит он, но известность более старых сказаний способствовала существенным образом столь широкому распространению по Европе походов д-ра Фауста. Если бы сущность дела заключалась здесь исключительно в волшебном характере легенды, если бы только колдунский элемент был причиною популярности Фауста, то и Триттенгейм, и Агриппа Неттесгейм, и Теофраст Парацельс были бы не менее его известны».

¹ Gorres. Die Sage von D-r Faust, p. 31.

Другие исследователи легенды отрывают ее от почвы, рассматривают с эстетической точки зрения, вне всякого отношения к современной эпохе. Эти критики видят в ней поэтическое произведение, герой которого олицетворяет в себе внутреннюю борьбу противоположных элементов. «Если средневековые поэты, говорит Штиглиц, выбирая предметом поэтического изображения великий разлад в человеке между природою и духом, знанием и верою, земным и небесным, представляли его в двух различных индивидуумах, то здесь мы находим то и другое соединенным в одном Фаусте, и эта борьба завязывается в одной личности»¹. В этой оценке легенды слишком резко бросается в глаза влияние ее позднейшей драматической обработки — Фауста Гёте. Действительно, в Фаусте конца XVIII в. борьба знания и веры существует, там она возможна и понятна, но между Фаустом Гёте и Фаустом легенды двух столетий, и притом таких, как XVII и XVIII, когда человеческий разум с небывалою в истории быстротою пролагал себе путь в жизнь — мало общего. В Фаусте легенды еще нет атеиста, а только — титан, который верит в Бога, но все-таки восстает против него.

В герое легенды уже заметны следы индивидуализма; заметен протест против приниженности личности в католическую эпоху. Эту черту подметил Розенкранц, но он утрирует ее до крайности, до полной противоположности с действительностью. «В Фаусте, говорит он, как в свободной индивидуальности, только *für sich*, а не *an und für sich*, заключаются средние века и вместе с ними вера в черта вне человека. Черт с внутренним характером воли переселяется в собственное я человека и делается поэтом еще более чертом, чем в средние

¹ Stieglitz, Die Sage vom D-r Faust, p. 12.

века»¹. К сожалению, и здесь носится перед глазами автора Фауст и Мефистофель не легенды, а Гёте.

Освобождение личности произошло не вдруг и не во всей полноте: сам Лютер признавал еще черта, который ограничивал личность, а часто и вполне повелевал ей; реформация была только первой стычкой в защиту личности, которой пришлось еще много бороться за свои права до конца прошлого века.

Но каков бы ни был характер Фауста, какое бы значение мы ни придавали сказанию, понимая его более или менее аллегорически, мы должны допустить, что для современников и для массы это было только волшебное, очень поучительное сказание об ужасной кончине известного колдуна. «Сказание о Фаусте, говорит Дюнцер, как оно развилось в XVI столетии, основано на том весьма материальном и в высшей степени странном для нас, образованных людей, воззрении, которого держались в эпоху реформации относительно личного вмешательства в людские дела реального дьявола, подстерегающего человека на всех стезях и путях его... Основное зерно сказания составляет учение о том, что следует остерегаться союза с злым началом, духи которого повсюду нас преследуют, что не нужно увлекаться гордостью и заносчивостью — этими сетями, в которые черт сумеет нас поймать наилучшим образом»².

Если эпоха, в которую образовалась легенда, и изменила черты как самого сказания, так и его героя, если Фауст и резко отличается от своих предшественников, представляет, как тип, более интереса, — то этого не замечали ни автор легенды, ни ее излагатели. Хотя,

¹ K. Rosenkranz, Geschichte der deutschen Poesie, p. 43.

² Göthe's Faust, p. 111 и 112.

например, Шпис и указывает на сходство Фауста с титаном, но быстро забывает об этом и приписывает Фаусту такие подвиги, которые вовсе не подходят к его титаническому характеру. Конечно, при этом условии вопрос о причинах популярности легенды остается открытым. И, действительно, эти причины лежат не в содержании легенды, как ее понимали современники и народ, так как легенд с таким содержанием очень много было и прежде; не в художественном совершенстве характеров легенды, потому что его не было в обработках, — а в той окраске, какую приняла легенда благодаря эпохе своего происхождения, в той роли, которую она играла в борьбе католицизма с учением Лютера. *Легенда о Фаусте является проводником протестантских воззрений; она проникнута антикатолическою тенденциею; она враждебна средневековой церкви.* Это будет очевидно, если проследить эту сторону сказания во всех его обработках и переделках.

Некоторые из писателей, так или иначе касавшихся легенды, отчасти подходили к такому выводу о причинах популярности Фауста. Уже Сольдан выказал мнение, что легенда о Фаусте служила для духовенства и «воспитанной им черни» средством, «чтобы поставить на вид сказкою о Фаусте», где описывается гибель ученого мага, то обстоятельство, что ненавистные им ученые волшебники, Триггенгейм, Агриппа, Парацельс и другие, избегли заслуженного ими костра¹. Несмотря на всю свою неосновательность, это мнение имеет некоторое значение потому, что указывает на влияние религиозных споров в истории сказания. Еще ближе подходит к указанному выводу Маньен. «Этот новый миф, говорит он, отмеченный при самом своем происхождении предшествовавшим реформации духом скеп-

¹ Geschichte der Hexenprozesse.

тицизма, имел преимущество восхищать в одно и то же время обе борющиеся партии. Одни видели в осуждении доктора справедливое наказание за безрассудное и нечестивое стремление к знанию; другие с удовольствием олицетворяли в Фаусте ненавистного виновника религиозной революции, безрассудного виттенбергского теолога-софиста»¹. И в этом мнении можно согласиться только с тем, что обе партии были заинтересованы в сказании; но мы не находим в легенде скептицизма — это одна ошибка Маньена, а другая, более важная, заключается в том, что он неверно представляет характер отношения обеих партий к сказанию о Фаусте.

В чем выразился протестантский элемент и насколько сильно отразилось его влияние на первой литературной обработке Шписа, мы уже указали выше. Теперь нам остается проследить его на дальнейших изложениях.

В издании легенды Видмана полемическая тенденция против католицизма еще заметнее, чем у Шписа.

В «Застольных беседах» и других своих сочинениях Лютер часто касался вопроса об отношении колдовства к католицизму. Так, он проводит параллель между колдовством и папством: первое он считает «собственным делом дьявола», а о втором — выражается следующим образом: «Черт, установивший папство, говорит и делает все через папу и римский престол».

В другом месте у Лютера встречается такой взгляд на чудеса: «Черт совершает чудеса через своих ведьм и любовниц, а также через поклонение святым местам и священное идолопоклонство». Католических монахов Лютер сравнивает с колдунами: «Мы, монахи, говорит он, настоящие колдуны и фокусники дьявола, ибо мы

¹ Magnin, Histoire des marionnettes, p. 297.

заколдовываем и ослепляем нашим шарлатанством весь мир, так что он вместе с нами отпадает от Христа... Сначала дьявол не делал ничего другого, как соблазнял мир монашеством». Хотя Шпис и находился, очевидно, под сильным влиянием Лютера, однако в его обработке мы не находим таких резких отзывов о католичестве. Издание 1587 года отличается умеренно-протестантским характером; лишь в дальнейшей обработке сказание проникается большею враждой к католицизму.

Видман ставит колдовство Фауста в причинную связь с обрядами католической церкви. «Папство еще было в ходу; там и сям прибегали еще к освящениям и другим суеверным действиям идолопоклонства, что очень нравилось Фаусту... Сообщество с папистами и цыганами погубило Фауста». Далее, Фауст извиняет свое греховное занятие тем, что к нему прибегали папы и кардиналы, и Видман с большим удовольствием приводит в «Erinnerungen» длинный ряд рассказов о папах-волшебниках. Как относится видманова обработка к монашеству, лучше всего видно из следующего рассказа: «Когда Бог отец, как говорит Библия, создавал человека, то слепил его фигуру из глины, и сказал: fiat! — и произошел красивый человек Адам. Черт, подсмотрев и подслушав это из-за дерева, пошел и подумал: — Постой, пущу в ход и я свою божественность и создам себе человека; — потом взял глины и хотел одним словом создать его, как то сделал Бог. Но черт не обратил должного внимания на слово fiat, что значит, да будет, — и сказал fuat. Тогда явился на свет монах. Сам черт, взглянув на него, засмеялся и сказал: «Да, конечно, fuat! ты очень отвратителен, нисколько не лучше меня. Плюю на тебя на вечные времена, потому что плохо обдумал

свою работу. Иди в мир и обманывай людей»¹.

Мефистофель позволяет Фаусту читать священное писание, кроме некоторых книг, особенно — ап. Павла, который, как известно, был главной опорой Лютера в борьбе против папства. Черт охотно беседует с Фаустом «о церемониях, о мессе, о чистилище, о легендах, о соборах и школьном богословии», но ничего не хочет говорить о догматах, признаваемых протестантизмом, каковы учение о св. Троице, крещение и т. д.

Безбрачие черт ставит условием союза, и вместо жены рекомендует Фаусту «пользоваться кухаркой патера».

Характернее всего проявляется вражда к католицизму в пророчествах Фауста. Там говорится, что папство попало в страну Содомы и Гоморры, и что поэтому папа «живет в совершенном нечестии», весь отдался «всем видам сладострастия» и погряз «в гнусном разврате»... «Прекрасный город Рим сделался источником содомских гнусностей». Далее, предсказание говорит о Лютере: но явится на свет Божий монашек (Münchlein), который получит повеление от Бога, как пророк Исайя, и возвысит, как бы в гневе, свой голос против папы... Он начнет проповедовать против папства, и когда вырвет его с корнем, тогда снова зажжет огненным мечом уже потухшее пламя христианской любви. От этого вавилонская блудница придет в ярость и безумие, бросит в Тибр ключи св. Петра и возьмет в руку обнаженный меч. Тотчас после этого проповедник призовет из Испании молодого рыкающего льва, который приведет с собою в немецкую страну много медведей. Однако, этот лев будет не свиреп, а кроток. Навстречу испанским мед-

¹ В другом месте черт говорит, что монах и солдат — самые приятные для него люди, потому что оба они оскорбляют Бога и людей — мысль, которую часто проводит в своих произведениях и Эразм Роттердамский.

ведям выдут из лесов и пещер другие сильные медведи: богемские, саксонские, гессенские и возьмутся за оружие. Тогда произойдет великий мрак, который, однако, скоро рассеется, тогда засияет солнце правды и будет блеснуть в глаза вавилонской блуднице, так что она ничего не будет видеть, и т. д. Все надежды и мечты протестантской партии, все ее неудавшиеся расчеты отражаются в этой легенде, как в зеркале, поверяются ей, как другу.

Обработка Видмана легла в основание всех позднейших переделок сказания о Фаусте, поэтому протестантская тенденция, которую она проникнула, сохраняется и в прочих обработках.

Переделка легенды о Фаусте, сделанная «*von einem christlich Meinenden*», также носит на себе явные следы протестантского влияния, что особенно важно, так как эта книга, составленная в народном духе, находит себе читателей даже в XIX веке. Автор этой обработки, подобно Видману, видит причину гибели Фауста в мраке, бывшем «до реформации Лютера»; он также упоминает о пророчестве Фауста, в котором маг предсказывает наступление реформации, времени, когда прекратятся «тяжкие вздохи под нестерпимым игом» папства.

Протестантский характер легенды о Фаусте удержался и в народных книгах позднейшей эпохи. Так, в издании Марбаха обязательство Фауста не вступать в брак вошло в число условий договора с дьяволом¹. Те сказания, которые развились из легенды о Фаусте, также сохранили основной тон своего источника.

¹ *Leben, Thaten und Hollenfahrt des berufenen Zauberers und Schwarzkunsters Dr. Johann Faust. Volksbucher 44. Herausgegeben von Marbach. Leipzig, bei Otto Wogund, p. 12.*

В книге, описывающей жизнь Вагнера, также заметны антикатолические тенденции, хотя они не выступают здесь с такою ясностью и резкостью, как в фаустовой легенде. Составитель сказания о Вагнере, считавший почему-то нужным скрыть свое имя, старается замаскировать и свои протестантские убеждения. «Я так составил эту книгу, чтобы в ней нельзя было ничего найти, что было бы противно Богу, несогласно с его словом и могло бы послужить ко вреду римской церкви». Но далее оказывается, что составителю было мало дела до римской церкви; сам он не принадлежит к ней, потому что никогда не выражается «наша церковь», а всегда говорить: римская; самым важным делом считает посещение не мессы, а проповеди и требует уважения к проповедникам. Встречаются даже прямые намешки над некоторыми верованиями католической церкви.

Де Люна, собираясь вступить в союз с дьяволом, размышляет следующим образом: «Я решил наслаждаться некоторое время греховною жизнью, потом, наблюдая свою выгоду, я отправлюсь в Рим, получу там отпущение и возьму также *agnum Dei*, освященный самим папою». В другом месте сказания говорится о Сильвестре II, что он «нигромантией достиг папства»; упоминается также о других папах-волшебниках. Наконец, подвергается осмеянию сама католическая месса: Де Люна и Клаузен (слуга Вагнера), желая прогнать дьявола, который должен прийти за душою Вагнера, «начинают петь и читать, как это обыкновенно делают при служении мессы»; но это мало помогло делу, потому что дьявол прогнал обоих попов (*Mespaffen*) и завладел Вагнером.

Сказание о герцоге Люксембурге, возникшее на католической почве, по образцу легенды о Фаусте, скоро также приняло протестантскую окраску. По крайней ме-

ре, в народной книге враждебные католицизму тенденции проявляются весьма заметно. Так, по мнению составителя, люди сами друг друга соблазняют, когда не знают, «что такое истинная религия», т. е. «когда они не почитают слова Божия, проповеди и проповедников». Тех духовных, которые входили в сношения с дьяволом, он называет не проповедниками (*Prediger*), а священниками (*Priester*); им он советует относиться так же к черту, как относится к нему «Лютер и его товарищи», и прибегать в таких случаях к «милосердному Богу». Итак, сказание о Фаусте, изложенное в народных книгах, а также сказания о Вагнере и Люксембурге, являются также чисто протестантскими легендами. Их распространенность должна была принести в XVI веке пользу новому учению и оказать ему значительную услугу.

Такое значение фаустовой легенды не ускользнуло от внимания католической партии и главных ее борцов — иезуитов. Они хотели воспользоваться сочинениями Фауста, как протестанты пользовались прежде его биографией. Уже из сведений, сообщаемых Кёлером, видно, что главным хранилищем этих рукописей были монастыри и притом монастыри Баварии и Австрии, главных оплотов тогдашнего католицизма. Отцы общества Иисуса хотят сделать из сочинений Фауста руководство к *белой* магии, к легальному распоряжению дьявольской силой во имя Божие. В одной книге, приписываемой Фаусту, но носящей название «Черный Ворон», автор является благочестивым католиком-иезуитом. Он готовится к заклинанию черта трехдневным постом, молитвой, делами милосердия, исповедью и причащением, служит три святые мессы в «честь святого Духа». От дьявола его охраняет скрытая на груди частица св. мощей. Самое заклинание называется «священное дело», потому что дьявола заклин-

нает Фауст в «честь Духа Святого». Если Фауст и получает от черта богатство, то он «жертвует его на бедных, на церковь и школы». Эти попытки католиков принесли мало пользы их партии; сочинения Фауста хотя пользовались большим уважением, однако не имели широкого распространения по своей дороговизне. Поэтому нужно было создать католическую легенду, аналогичную Фаусту, которая могла бы противодействовать протестантизму. Действительно, во Франции встречаем две таких попытки, окончившихся, впрочем, неудачей. Легенда о Люксембурге, который заключил союз с дьяволом *ad majorem Dei gloriam*¹, потеряла свой католический характер, как только сделалась народной книгой. Сказание об Урбане Грандье, который, по требованию дьявола, должен был ненавидеть апостольско-римскую церковь, ее таинства и молитвы, — это сказание не получило распространения и, таким образом, легенда о Фаусте одержала полную победу над своими соперниками.

В заключение укажем еще на один факт, служащий доказательством связи между распространением книги о докторе Фаусте и протестантизмом. Легенда о Фаусте распространяется в прозаической форме, кроме Германии, только в тех странах, где происходила некоторая борьба между католицизмом и протестантизмом,

¹ Лат.: «Во славу Божию» (*Прим. ред.*).

каковы: Англия, Голландия, Франция¹, Польша². Между тем там, где эта борьба была менее сильна, как в Италии, или где ее почти совсем не было, как в Испании, сказание о Фаусте в прозаической форме неизвестно, Испанский Дон-Жуан, которого называют иногда южным Фаустом, потому что он был известен и в Италии, более имеет сходства с любым средневековым волшебником, чем с Фаустом. В Дон-Жуане нет и помину о том свойстве характера, который называется «*das Faustische*» и зачатки которого мы видели уже в герое легенды. Испанский волшебник, как воплощение чувственных стремлений и их одних только, принадлежит, несмотря на свою бедственную кончину, к числу средневековых волшебников, заявлявших протест против аскетического идеала.

Итак, легенда о Фаусте в повествовательной форме, в форме народной книги пользовалась, а отчасти и теперь пользуется большою популярностью. Но наряду с прозаической обработкой уже в XVII веке начинает распространяться эта легенда в новой форме: в форме народной драмы. Знаменитый волшебник выступает с XVII века на сцену сначала народного, а потом кукольного театра, делается самым любимым предметом народных зрелищ. В XVIII веке народная легенда снова обращает на себя внимание передовых людей Германии: еще Лессинг пытался создать философскую драму

¹ Переводчик обработки Шписа на французский язык, Victor Palma Cayet, был придворным реформатским проповедником при Екатерине Бурбонской, сестре Генриха IV.

² В сказании о Твардовском, на которое, как мы видели, влияла немецкая легенда о Фаусте, заметна протестантская тенденция в отношении к папе. Твардовский, как Фауст, считает так же папу погрязшим в чувственности, как предан ей он сам, только в легенде о Фаусте это выражено более резко.

из легенды о Фаусте, но от его произведения сохранились лишь ничтожные отрывки. Одному гению Гёте удалось создать из старого колдуна один из глубочайших типов и из простой фабулы народного предания — величайшую драму новейшего времени.

Примечания

По всему свету прославившагося Архичернокнижника и волшебника де Иоанна Фауста, учиненное с дьяволом обязательство...

Публ. по изданию: *Библиотека немецких романов*. Ч. I. М., в Унив. тип., у Н. Новикова, 1780 без изменений, за исключением новой орфографии и исправления некоторых опечаток.

Sperusculum matutinum – ранняя утренняя заря, предрассветный сумрак (лат.).

Спезартском лесу – Шпессерский лес из «Истории доктора Иоанна Фауста» Шписа (1587).

Дули – т. е. фиги.

Омировых – Гомеровых.

М. Корелин. Западная легенда о докторе Фаусте:
Опыт исторического исследования

Впервые в журн. *Вестник Европы*. 1882. Т. VI. Ноябрь, декабрь. Публ. по этому изданию без сокращений, в новой орфографии и пунктуации.

Оглавление

От издательства	5
По всему свету прославившегося Архичернокнижника и волшебника де Иоанна Фауста, учиненное с дьяволом обязательство...	7
<i>М. Корелин.</i> Западная легенда о докторе Фаусте	17
П р и м е ч а н и я	111
Книги серии Gemma Magica	113

**В серии «Gemma magica»
вышли книги:**

Райские цветы, помещенные в семи цветниках. 80 с. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. I).

Первая книга серии «Gemma Magica. Материалы и исследования по истории магии и оккультизма» знакомит читателя с редкостным масонским изданием – переводом мистического шедевра XVII в. «Херувимский странник».

История доктора Джона Фаустуса. 40 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. II).

Впервые на русском языке – перевод народной книжки о знаменитом чародее и некроманте докторе Джоне Фаустусе, изданной в Англии в 1787 году.

Крата Репоа. 100 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. III).

Первое за почти 100 лет полное переиздание знаменитого трактата «Крата Репоа» – таинственной книги, которая оказала глубокое влияние на судьбы европейского и русского масонства XVIII-XIX веков и стала «фундаментальным документом» европейской эзотерики в целом.

М. И. Попов. Описание древняго славенскаго языческаго баснословия, собраннаго из разных писателей, и снабденнаго примечаниями. 80 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. IV).

«Описание древняго славенскаго языческаго баснословия» (1768) одаренного писателя, поэта и переводчика М. И. Попова стало одним из первых сочинений, ре/конструировавших мифологический пантеон, де-

монологию и народную магию древних славян. С XVIII в. этот важный источник оставался труднодоступен для широкого читателя.

Артур Конан Дойль. Пришествие фей. 241 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. V).

Словно великий сыщик Шерлок Холмс, сэр Артур Конан Дойль, блестящий писатель и убежденный спиритуалист, расследует в этой книге историю с фотографиями фей, сделанными в первые десятилетия XX в. двумя девочками из глухой английской деревушки. Первый полный и откомментированный перевод на русский язык.

Джон Ди. Рог Венеры. Священная Книжица черной Венеры. 68 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. VI).

Первый русский перевод любопытного гримуара XVI века, чье авторство приписывается выдающемуся английскому ученому и эзотерику, советнику королевы Елизаветы I, герою многих книг и легенд Джону Ди. В этой магической книге рассказывается, как с помощью ритуала «Рога Венеры» вызвать демонов и заставить их повиноваться и разыскивать спрятанные сокровища.

А. Я. Ильин. Из дневника масона 1775-1776 гг. 54 с. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. VII).

Дневник А. Я. Ильина – ценный исторический документ, рассказывающий о временах расцвета российского масонства и повседневной жизни и деятельности масонского мастера последней четверти XVIII столетия. Подготовленный к печати в начале минувшего века известным историком В. И. Саввой, дневник Ильина впервые за более чем 100 лет публикуется в полном объеме, с включением масонского шифра – «Литер ордена В.К.».

Гримуар заклинания духа места. 41 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. VIII).

Французская рукопись XVII века под названием «Гримуар заклинания духа места» в последнее время привлекает к себе растущее внимание.

Этот необычный гримуар, глубоко укоренный в традиции магико-гримуарной литературы, сочетает языческие и христианские мотивы с элементами народной карнавальской обрядности, идею жертвоприношения с церемониальным ритуалом вызывания духов. «Гримуар заклинания духа места» впервые переводится на русский язык.

Р. Бернулли. Духовное развитие в алхимии и смежных дисциплинах. 95 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. IX).

Работа швейцарского искусствоведа Р. Бернулли, близкого к К. Г. Юнгу, трактует алхимию как духовную дисциплину, направленную на всеобъемлющую трансформацию мира и человека. Во второй части работы, заложившей основы юнгианской трактовки алхимии, на ряде примеров делается попытка истолкования визуальной символики алхимии. Первый русский перевод этого классического труда.

Н. А. Краевич. Луч благодати или писания Н. А. К. – 68 с. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. X).

«Луч благодати» – единственная книга масона, мистика и визионера Н. А. Краевича (1757 или 1758-1790), весьма почитавшегося русскими розенкрейцерами и прежде всего И. В. Лопухиным, который и издал наследие Краевича. К изданию, снабженному примечаниями и кратким биографическим очерком, приложен посвященный Краевичу «Надгробный памятник» М. Н. Баккаревича, литературного наставника В. А. Жуковского.